

АЛИСА ГААЛ

Бездна. Девушка. Мост из паутины

КНИГА ВТОРАЯ

Алиса Гаал

**Бездна. Девушка. Мост
из паутины. Книга вторая**

«Издательские решения»

Гаал А.

Бездна. Девушка. Мост из паутины. Книга вторая / А. Гаал —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854485-9

«Ты особенная, — услышит Вера. — Ты — пешка, которая может дойти до конца и стать фигурой». Сможет ли пешка стать фигурой в условиях абсолютной незащитности и отсутствия выбора? История о фатальных обстоятельствах, сжигающих прежнюю реальность. О выборе, который приходится делать, когда кажется, что его нет. О справедливости, которая не защищает. О неоднозначности черного и белого. О характере, который формирует судьбу. И о вере в то, что вопреки всему где-то, возможно, ждет тихая гавань.

ISBN 978-5-44-854485-9

© Гаал А.

© Издательские решения

Содержание

Часть вторая: Колумбия. Лина	6
Глава 1. Прихоть	6
Глава 2. Грозы...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бездна. Девушка. Мост из паутины

Книга вторая

Алиса Гаал

© Алиса Гаал, 2017

ISBN 978-5-4485-4485-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть вторая: Колумбия. Лина

Пока не покорила нас судьба, надобно водить ее за руку, как ребенка, и сечь ее; но если она нас покорила, то надобно стараться полюбить ее.

Фридрих Ницше

Судьба тасует карты, а мы ими играем.

Шопенгауэр

Глава 1. Прихоть

Нет действия без причины, нет существования без оснований существовать.

Вольтер

Самолет идет на посадку, резко снижаясь. Давление в салоне стремительно возрастает, Вера опускает голову на колени, прижав ладони к ушам, издает слабый стон: барабанные перепонки вот-вот разорвутся, от острой боли на глазах появляются слезы. «Я сейчас умру», – мелькает непрощенная мысль... Колеса самолета врезаются в землю, и пассажиров подбрасывает на места. «Еле взлетели, еле приземлились, черт знает что!» – ворчит Москито за ее спиной. Вера откидывается на спинку сиденья, устремляет взгляд в окно: струйки дождя размывают пейзаж. «Надо же, – внезапно отмечает она, – какое совпадение: размывтый пейзаж и размывтое мое будущее». А еще она думает о том, что впервые пропустила «воздушное» знакомство с городом, так и оставшимся для нее незнакомым и загадочным, как и то, что ждет ее в нем. В этом ей видится знак, неуловимый, но весьма очевидный.

Трап подан. Паласиос напряженно наблюдает за «гостями». Ему не терпится покончить поскорее с заданием. Не терпится и Элене. «Можешь идти?» – осведомляется она, Вера кивает, замечая, что сама Элена неестественно бледна, а движения ее замедлены и лишены привычной резкости. Пабло вновь помогает Вере одолеть лестницу, на этот раз не дожидаясь приказа Элены. Их поджидают три машины: Паласиос, поспешно прощаясь, влетает в одну из них и отъезжает. Во вторую садится Пабло: «Удачи, Вера. Надеюсь, мы еще встретимся», – говорит он на прощание. А третья уносит Элену, Веру и Москито по направлению к небольшому самолету. Вера бросает на Элену вопросительный взгляд: «Да, – устало кивает она, – опять взлет-посадка, на этот раз последние». «Как долго нам лететь?» – осторожно интересуется Вера. «Больше часа».

В дверях показывается молодой светловолосый мужчина. «Сеньора Элена, добро пожаловать!» – с радостью восклицает он и, спустившись на несколько ступенек, подает руку поднимающейся женщине. Она опирается на нее и благодарит – весьма искренне. Похоже, подмечает Вера, ее возвращению действительно рады... «Постарайся взлететь помягче, – просит Элена, – ну и приземлись, само собой». «Сделаю все, что в моих силах. Погода не очень, – озадаченно отвечает он, – давайте поспешим». Они садятся, пристегиваются. Самолет быстро разгоняется и взлетает – легко, как перышко. А потом начинается пляска железной птицы. «Гроза, – вздыхает Вера, – а высота еще не набрана». Она напрягается. «Видите, донья Элена, – шипит Москито, – все не так! Говорю вам: эта девица приносит несчастья. Не к добру мы ее тащим, не к добру». «Мы?» – Элена насмешливо вскидывает брови.

На таком маленьком самолете Вера летит впервые. Ей беспокойно, она считает минуты, мечтая оказаться на земле, что бы та ей не готовила. Тряска не прекращается ни на секунду. «Как мы приземляться будем в такую погоду? Он найдет посадочную полосу?» – бормочет Москито. «С закрытыми глазами, – отрезает Елена и смеется. – Сеньор Москито, Пато знает посадочные полосы лучше, чем ты собственную жену». Вера напрягает зрение: земля едва различима. «Который час?» – спрашивает она. «18.15 по местному времени, – отзывается Елена и, помолчав, сообщает: – Я завяжу тебе глаза. Скоро идем на посадку. Чем меньше увидишь, тем лучше для тебя». Вера не возражает, сознавая, что ее в очередной раз ставят перед фактом. Минуты тянутся бесконечно, а затем Вера переживает самую экстремальную посадку в своей жизни: самолет бросает из стороны в сторону, гремит гром, и, к счастью, она не видит, что огни аэропорта сменили едва заметные сигналы нелегальной взлетно-посадочной полосы – колеса миниатюрной железной птицы встречаются с ней как нельзя кстати: несколько минут спустя начинается сильная гроза, по небу проносятся, зловещим эхом отзываясь вдали, оглушительные раскаты грома. Земля, казалось, содрогается от величественного, зловещего грохота. «Донья Елена, – потрясенно восклицает Москито, – это не может быть совпадением! Она ведьма!» «Клоун!» – смеется Елена. В ее голосе звенит радость. «Еще бы, – думает Вера, – она уже дома». Та берет ее за руку и медленно ведет за собой. «Не снимай повязку!» – приказывает она. Они проходят к выходу, Вера с интересом вслушивается в поспешные шаги, радостные приветствия, незнакомые голоса, и вот кто-то подхватывает Веру на руки, спускается вниз и заносит в машину. Дверцы захлопываются, они срываются с места, летя на бешеной скорости вперед. «Долго ехать?» – темнота делается невыносимой. «Минут двадцать», – следует ответ. Вера принимается считать. По стеклам барабанит дождь.

Машина тормозит. Вера обращается в слух. Елена спешит выйти наружу. Ее приветствуют мужские голоса, приближается некто, и они замолкают, уступив место негромкому мягкому голосу:

– Добро пожаловать, дорогая моя, – произносит он, – как я рад тебя видеть!

– Спасибо, Карлос, – в ответном тоне Вере мерещится некая приторность. – Возвращаться всегда хорошо!

– Как ты? – ответ Вера не расслышала. – Кайман прилетает завтра утром, – снова доносится мужской голос, – ему не терпится тебя увидеть, а Эридеро задержала гроза в...

Он осекается на полуслове – жесты Москито весьма красноречиво дают понять: за затемненными стеклами его ждет сюрприз.

– Я привезла сувенир из Вьетнама! – улыбается Елена, проследив за его взглядом.

Веру выводят.

– Ты с ума сошла! – сквозь зубы процеживает мужчина.

– Обсудим это позже, – не то просит, не то ставит перед фактом она. – Мне необходимо передохнуть: больше суток в пути, да еще эта рана... Отложим разговор на несколько часов: это будет твоим подарком.

– Конечно, – нехотя соглашается он. И подчеркивает: – На несколько часов.

Сердце Веры пропускает глухой удар.

Элена подходит и, взяв ее за руку, увлекает за собой. Вера идет медленно, дрожа от холода и страха, рассеянно вслушиваясь в указания: прямо, прямо, три ступеньки, прямо, пять ступенек... Рядом шагает человек, несущий над ними зонт. Распахиваются двери, они проходят внутрь. Тогда Елена наконец снимает повязку с ее глаз, и Вера, зажмурившись от яркого электрического света, спешит рассмотреть холл огромного дома и извилистую шахматно черно-белую лестницу, ведущую наверх. «Она и правда такая огромная или опять оптический обман?» – гадает она. Они поднимаются – не оптический обман, ступенек много, и правда, высоко, – убеждается Вера, обернувшись. Элена распахивает перед ней двери просторной комнаты. «Я прикажу принести тебе поесть, – говорит она и, наблюдая за тем, как Вера опускается

в кресло, наставляет: – Не смей покидать комнату, поняла? – та послушно кивает. – И не вздумай выйти за порог дома! Территория большая, везде камеры, вооруженная охрана. – Вера сжимает руки в кулаки и прячет глаза. – И потом, это не город. Даже если чудом выберешься за ворота, далеко не уйдешь. Я сделаю все, что смогу!» – обещает она и поспешно удаляется.

...Взгляд задерживается на большом окне, но приблизиться Вера не решается – она не питает иллюзий: стоит снова увидеть то, что видеть нельзя, и ее ничто и никто не спасет. Замирает, понимая: каждая деталь этого места отдаляет ее от дома на лишний шаг. «Предпочтительнее было бы оставаться с завязанными глазами, – думает она, – чем больше увижу и узнаю, тем меньше шансов вырваться». Напряжение нарастает, а вместе с ним усиливаются головная боль и тошнота – недомогания так долго сопровождают Веру, что ей начинает казаться, будто они приросли к ней навсегда. Вдобавок ее колотит от холода. Необходимо согреться и хоть немного прийти в себя, понимает она. Поднявшись, направляется к двери, за которой обнаруживает просторную комнату: душевая кабинка, ванная, отделанная мрамором, умывальник с зеркалом в необычной оправе. Вера морщится – после встречи со своим отражением в больнице, она предпочитает избегать зеркал. Полотенца и халаты аккуратно разложены на полках невысокого шкафчика, на верхней расставлены небольшие гостевые наборы. Она поспешно изучает содержимое: шампуни, гели для душа, пена для ванны, скраб для тела и крем. То, о чем так мечталось последние месяцы... Запах тюрьмы, кажется ей, клеймом впечатавшись в кожу и волосы, напоминает о себе ежеминутно. Вера переводит взгляд на ванну: горячая ванна неизменно помогала восстановиться после перелетов. Возможно, поможет и на этот раз по крайней мере согреться. В ближайшие часы Элене обещана передышка, напоминает себе она, а значит, и ей ничего не угрожает и можно попытаться расслабиться. Проходит в душ. Непривычно горячая вода и парфюмерные отдушки возвращают кусочек прежней жизни. Раз за разом намыливает она тело, промывает волосы в надежде изгнать, окончательно стереть память о зловонном воздухе, нечистых телах, тюремном мыле. Спohватившись, выглядывает: ванна наполнена. С наслаждением погружается в благоухающую пену и несколько минут спустя проваливается в забытье... Очнувшись в прохладной воде, обнаруживает, что на смену дрожи пришел жар – тело и голова пылают. Перед глазами все плывет, предметы скачут, пол и потолок то меняются местами, то сливаются в единое целое. Вера, не мигая, смотрит на намеченную точку в стене, силясь сконцентрироваться. Наконец отваживается встать, протягивает руку к приготовленному халату, укутывается в него, стягивает с волос мокрое полотенце и, опираясь о стену, медленно направляется к двери. Каждый последующий шаг дается тяжелее предыдущего: пол покачивается, то и дело угрожая ускользнуть из-под ног. Уткнувшись в дверь, нащупывает ручку... очутившись в комнате, теряется окончательно: пространство кажется огромным и, придя в движение, начинает кружиться вокруг нее, ускоряя темп – кровать, столик, диван и даже окно перелетают с места на место, делаясь то ближе, то дальше. Оторвавшись от стены, она неожиданно наталкивается на какой-то предмет – раздается грохот ударяющегося о пол железа и бьющегося стекла. Вера испуганно отступает...

А в эти минуты по лестнице поднимается мужчина. Донесшийся из гостевой комнаты шум – гости, как правило, размещаются в более просторных комнатах, а этот весьма скромный уголок большую часть времени пустует – привлекает его внимание. Он приближается и стучит: по ту сторону – тишина. Не дождавшись ответа, спешит распахнуть дверь и с удивлением обнаруживает стоящую у столика незнакомку. Она в свою очередь не обращает ни малейшего внимания на нежданное вторжение... Даже если бы вокруг свистели пули – не отреагировала бы, отмечает он, наблюдая за ее замедленными, отрешенными движениями. Ситуация более чем удивительная: без всякого предупреждения в его доме невесть откуда появляется еле стоящая

на ногах девушка. И судя по реакции на происходящее – заторможенной, отстраненной и безучастной, переборщившая не то со «снежком», не то со всем вместе взятым. «Невероятно: откуда взялась эта ненормальная?» – гадают хозяин дома, понимая, что задавать вопрос бессмысленно – не ответит. Не двигаясь с места, он продолжает молча наблюдать за ней, а Вера, тем временем опустив голову, думает об одном: необходимо добраться до стены. Она чувствует на себе чей-то пристальный взгляд и, всмотревшись, замечает длинную тень на полу. На секунду приподнимает голову... Мужчина догадывается – незнакомка заметила его присутствие. Прижав ладонь к вороту халата, она, словно в поиске опоры, вытягивает свободную руку – сделав шаг влево, с облегчением вздыхает, нащупав стену, и медленно сползает на пол. Пристальный взгляд следит за каждым ее движением: жесты ее, вопреки внешней обманчивости, абсолютно осознанны – понимает мужчина. И вот что привлекает его внимание: обнаружив чужое присутствие, она не протянула руку в надежде на помощь, а продолжила искать опору самостоятельно. Подобная подсознательная реакция – а он не сомневается: когда физически плохо настолько, что сознание затуманивается, реакции следуют автоматические, подсознательные – свойственны, как правило, тем, кто успел понять: падая, необходимо думать о том, как правильно сгруппироваться, а не искать чужую руку, тем, кто, столкнувшись с человеческим малодушием, жестокостью и одиночеством, перестал рассчитывать на помощь извне.

Мужчина пересекает комнату и, опустившись, всматривается в ее лицо: бледное, восковое, с выступившими скулами, впавшими щеками и огромными кругами под глазами. Взгляд падает на тонкие, как у ребенка, запястья... Вера чуть приподнимает голову, понимая: рядом кто-то есть. Вот уже несколько минут она улавливает принесенный этим кем-то парфюмерный аромат – запах трав, дымные ноты разбавлены свежестью и прозрачностью горного морозного воздуха. Внезапно она распахивает глаза – огромные, они кажутся почти инопланетными, беззащитные, наполненные болью и грустью. Вера смотрит перед собой, но все продолжает расплываться, кружиться, и она поспешно опускает веки.

– Вижу, вы успели познакомиться! – в тишину врывается тихий голос Элены.

Она закрывает за собой дверь и задумчиво смотрит на Веру. «Надо же, она сидит в точно такой же позе, как в тот день, когда я впервые увидела ее лицо: прислонившись к стене, спина прямая, голова приподнята, руки скрещены на талии, – думает Елена. – Только тогда она была красивой, цветущей и живой. А сейчас... и все же, ей удастся выглядеть не жалкой, а на удивление трогательной... – отмечает она и улыбается. – Своего рода талант».

Мужчина поднимает голову, вопросительно глядя на нее.

– Это мой вьетнамский сувенир, – лукаво поясняет Елена.

– Шутишь? – восклицает он и с улыбкой качает головой. – Ты не перестаешь удивлять меня, Эленита.

– На этот раз я сама немало удивлена, – со смешком заверяет она.

– Твой сувенир вот-вот рассыплется, – озадаченно отмечает мужчина.

– Мой сувенир на удивление живучий! – смеется Елена. – Отправиться на встречу со Всевышним отнюдь не горит желанием. – Наступает молчание. – Однако! – с наигранным возмущением продолжает она. – Я рассчитывала на более теплый прием!

– Прости, – последнее замечание мгновенно отрывает его. Он встает, подходит к Элене, бережно обнимает ее. – Ты заставила меня поволноваться, ненормальная! – И добавляет, понизив голос: – Мне тебя не хватало.

– Я тоже скучала по тебе, сорви голова! – тихо отзывается она.

Вера погружается в этот неожиданный диалог, испытывая легкий дискомфорт от подслушивания. «Мой патрон дружит с сеньорой Эленой», – вспоминает она слова Пабло и догадывается: скорее всего, это и есть тот самый патрон. «Все нормально? – опустившись на корточки, осведомляется Елена. Вера чуть заметно кивает. – Не смей вставать – вокруг море стекла.

Сейчас придет женщина, приведет все в порядок и поможет тебе. А пока не двигайся!» Вера снова кивает. «С ней все в порядке!» – констатирует Элена.

Раздаются шаги, и дверь закрывается.

На часах 22:35. Вот уже больше часа Вера сидит в кресле в самом темном углу комнаты, переводя взгляд с часов на входную дверь, вслушивается, умирая от страха: с момента прибытия прошло более трех часов. Отпущенное время, вероятнее всего, подошло к концу, а это значит, что дверь в любую минуту может распахнуться... сердце, сжимаясь, замирает на несколько секунд, и ужас, знакомый, режущий душу, грозит разорвать измученное сознание на мелкие кусочки. «Что они со мной сделают? – гадает она, вжимаясь в спинку кресла. – Застрелят? Или как-то по-другому... Здесь или уведут?» Нервы оголяются, кровь бурлит, ей казалось, она ощущает этот бег по венам – каждый толчок, ею овладевает странное возбуждение, а удушливая слабость удивительным образом отступает. «Элена просила довериться ей, я пообещала», – напоминает себе Вера, понимая: еще немного и она перестанет владеть собой – только этого не хватало... Закрывает глаза, делает глубокий вдох, пытается собраться с мыслями и приходит к выводу: более сидеть и ждать она не в состоянии. Помочь сконцентрироваться и не сойти с ума могут только действия. Доверить собственную жизнь в чужие руки оказалось мучительно сложно, да и кто знает, верное ли это решение. И тогда она осмеливается подойти к окну: обширная, местами освещенная территория ограждена высокой бетонной стеной, у которой прохаживаются люди с оружием в руках, недалеко расположен еще один дом – поменьше, за ним деревья, и еще какое-то сооружение чуть поодаль. Людей много, и по тому, с какой готовностью держат они оружие, становится очевидным – к обязанностям своим относятся весьма серьезно. Вера напрягает зрение: там, за воротами, взметнулись ввысь верхушки деревьев, а значит, оказавшись по ту сторону, можно попытаться какое-то время поиграть в прятки, пока... «Бесмысленно!» – нашептывает ей голос. «Уж лучше так, чем покорно шагнуть под пули», – возражает она ему и задумывается, взвешивая все «за» и «против»: цена ошибки – жизнь. Что предпочтительнее: сидеть сложа руки, опомниться лишь тогда, когда открывающаяся дверь не оставит ни малейшего шанса на спасение, или рискнуть, попытаться разведать обстановку, и если выяснится, что терять нечего, совершить пусть провальную, но все же попытку побега? Наступает момент... принять решение необходимо незамедлительно, каждая секунда отнимает шанс на жизнь. Если еще не поздно... Она подходит к двери, тихонько отворяет ее – убедившись, что поблизости никого, покидает комнату и минуту спустя оказывается у широкой мраморной лестницы – к ней ведет причудливая кованая решетка. Вера опускается на корточки и сквозь отверстия, образовавшиеся между фигурами, разглядывает ярко освещенный безлюдный холл дома. Прижимаясь к стене, спускается вниз, сиюсья прогнать безумное желание развернуться и побежать обратно в комнату. И вдруг до нее доносятся шаги и голоса – узнав голос Элены, Вера замирает и напрягает слух: расстояние слишком велико, смысл сказанного разобрать не удастся, но по нескольким долетевшим словам догадывается – обсуждают сложившуюся ситуацию. Стоит приблизиться, решается она, выходит из тени, бесшумно пересекает огромную гостиную, сворачивает в просторный холл, где обнаруживает полукруглую стену, образующую уголок, из которого и раздаются голоса. Подойдя достаточно близко, Вера спешит укрыться в углу за декоративной колонной. Затаив дыхание, вслушивается:

– Ты был в курсе этого безумия? – интересуется мужской голос: мягкий, тихий, он заставляет Веру мгновенно напрячься: его обладателю не терпелось решить возникшую «проблему» поскорее, не дожидаясь утра. – Почему в таком случае не соизволил ввести меня в курс дела? – нескрываемое раздражение привносит в голос нервные нотки.

– Я узнал об этом слишком поздно, – отвечает спокойный низкий голос. И его обладателя Вера узнает: это он с нежностью назвал Элену «ненормальной». – Не хотел вас лишний раз беспокоить.

Элена спешит подавить улыбку – врет он весьма правдоподобно. Там, в больнице, она попросила связного передать Локо особую просьбу: доставить два трупа, умолчав в разговоре с колумбийским организатором о несущественных изменениях в плане. Она опасалась, что с Локо согласовывает детали предстоящего побега именно Карлос и тогда, понимала она, спасти Веру ей не удастся. Намериваясь отпустить ее в Хартуме, Элена понимала неизбежность предстоящего разногласия с Коати, откровенно злорадствовала, предвкушая его реакцию, и радовалась подвернувшейся возможности пощекотать ему нервы. Но все усложнилось, обернувшись против нее. Она бросила взгляд на стоящего у стеклянной стены мужчину и с удовлетворением отметила: он безоговорочно встал на ее сторону. Иметь рядом человека, готового поддержать тебя, даже когда ты – и оба вы знаете об этом – совершаешь глупости – огромная удача.

– Ты можешь внятно объяснить, что на тебя нашло? – недоумение красноречиво читается в тихом нервном голосе. Коати меряет комнату быстрыми шагами. – Что на тебя нашло???

– Она оказалась в больнице по чистой случайности, – вздыхает Элена и продолжает, тщательно подбирая слова: – Признаюсь, за столько месяцев я прониклась к ней симпатией... – с губ Коати срывается ругательство. – Карлос, – меланхолично произносит она, – у всех бывают слабости. Она безобидная девочка... я не хотела нести ее труп на своей совести.

– Поэтому решила притащить ее сюда, – фыркает он. – И переложить ее труп на мою совесть... Ладно, – усмехается, – я уж как-нибудь справлюсь! – Задумавшись, с недоверием проговаривает: – Ты ведь не перевезла ее через полмира ради того, чтобы продлить ей жизнь на сутки? Что ты планировала?

– Отпустить ее в Хартуме, – нехотя признается Элена, понимая, что отпираться не имеет смысла.

– Что???

 – голос становится визгливым, мерзким, царапающим нервы, словно гвоздь стекло.

– Это бы ничего не изменило, – со вздохом объясняет она. – Я бы успела долететь...

– Она бы успела долететь! – издевательски повторяет он и хлопает несколько раз в ладоши. – Дорогая моя, боюсь заточение нанесло тебе непоправимый вред. Ты перестала мыслить адекватно.

«Кто бы говорил!» – мысленно отвечает она, из последних сил подавляя желание сбросить маску. В эти минуты усталой раненой женщине маска кажется тяжелой ношей. Подняв голову, Элена перехватывает взгляд: уверенный, спокойный, холодный, он скользит по отвернувшемуся Коати с нескрываемой насмешкой. Она делает глубокий вдох, лицо вновь становится непроницаемым.

– Ты знала, что до нее доберутся гринго и намеривалась ее отпустить?

Вере кажется, что с минуты на минуту он впадет в истерику. «Господи, – изумленно думает она, – неужели этот неврастеник здесь главный?»

– Ноль информации. Она ничего не видела. Говорю тебе: мы ничем не рисковали.

– И дабы снабдить информацией, ты тащила ее дальше: самолеты, пилоты и наш новый «партнер». Отличную экскурсию ты ей устроила, Эленита.

– Разве я могла знать о том, что в Хартуме нет ее чертова консульства? – бесстрастно отзывается она. – Оставь я ее там, она бы направилась напрямиком к гринго. Непредвиденные обстоятельства... Накладки, Карлос, что поделаешь, накладки.

– Она свихнулась! – озадаченно бормочет мужчина. – Ты себя слышишь???

 Стоило тебе отпустить ее, гринго узнали бы о твоём «отдыхе» во Вьетнаме и о побеге...

– Они и так узнают... как только будут готовы результаты экспертизы.

– Ты уверена? – раздается нервный смешок. – Похоже, неволя не щадит никого.

– Погоди... – она замолкает и произносит насмешливо-удивленным тоном: – Они не поведутся!

– Обижаешь, – усмехается низкий голос. – Мы с Локо не дилетанты.

Вера морщится: «А вот и Эридеро... – догадывается она. – Господи, куда я попала: один неврастеник, другой любитель „спецэффектов“, а Локо, судя по прозвищу, и вовсе псих заслуженный, общепризнанный...»

– Почему до сих пор нет звонка? – опять этот царапающий голос.

– Он должен позвонить с минуты на минуту. – Мужчина смотрит в глаза притихшей Элене и объясняет: – В трех метрах от уборной, прямо под окнами твоей палаты, стояли баллоны с газом. Утечка, взрыв... Если все пройдет гладко, Элена-Луиса Гонсалес в скором времени будет похоронена рядом с матушкой.

– А экспертиза? – продолжает недоумевать Элена.

– Не уверен, что она потребуется, но, перестраховываясь, мы предусмотрели и этот момент. А вот теперь могут возникнуть проблемы, – констатирует он. – Стоит родственникам девушки настоять на повторной экспертизе, на этот раз в... откуда она?

– Из Израиля...

Вера, пошатнувшись, утыкается лбом в прохладный мрамор колонны. «Возможно, родителям уже сообщили...» – от этой новости ее начинает мутить. Пытаясь осмыслить услышанное, она на несколько минут лишается способности концентрироваться на доносящихся голосах. Из оцепенения ее вырывает зажигательная мелодия – она с недоумением озирается по сторонам и мгновение спустя понимает: это звонок мобильного. Прислушивается. Мучительно долго длится тишина. И вновь раздается низкий голос – он благодарит звонившего и не без тени удовлетворения объявляет:

– По результатам предварительного расследования, взрыв последовал в результате сильной утечки газа. Тела опознать не удалось, а точнее там и опознавать нечего, но один из работников, – ударение на последнем слове, – свидетельствовал, что за несколько секунд до взрыва заключенные попросили разрешения спуститься в уборную и жаловались на странный запах в палате. Сеньора Гонсалес, – иронично обращается он к Элене, – вы официально объявлены погибшей. Если бы не девушка, погибшей вас можно было бы считать окончательно. Израильское консульство настаивает на проведении генетической экспертизы... Это играет нам на руку, – продолжает хладнокровный голос после короткой паузы. – Результаты они получают положительные. Поводов для сомнений у них не будет, все выглядит чересчур убедительно.

– Остается надеяться, что ее родители не станут мучить бесконечными проверками фрагменты тела и поспешат похоронить бедняжку, – задумчиво говорит Карлос. У Веры подкашиваются ноги, цепляясь за колонну, она сползает на пол. – Что ж, придется исправлять твою ошибку, дорогая моя! – с внезапной жесткостью бросает он. – Девушку убиваем, труп сжигаем, фрагменты переправляем во Вьетнам. Родители получают настоящие останки и конец истории. Это будет наш ей подарок: могила на родине, семья рядом...

– Нет, – металлический, неживой голос Элены отрезвляет готовую броситься от ужаса бежать куда глаза глядят Веру. – Мы можем не уложиться в срок, может возникнуть путаница. Труп – это след, нечего тащить его на другой конец света через две границы, обозначая исходное место. Это не меньший риск, чем возможное решение ее родителей о провидении повторной экспертизы.

– Элена права, – соглашается любитель «спецэффектов». – В крайнем случае, мы все равно выиграем время, и восстановить картину не по горячим следам будет не так просто. Риск есть всегда. Будем щелкать проблемы по мере поступления.

– Ее нужно убрать как можно скорее, – в нервном голосе скользит усталость. – Ночью... она не успеет ничего почувствовать. Это предпочтительнее, чем расстрел во Вьетнаме или гниение в тюрьме. Так что, Элена, можешь быть довольна: в какой-то степени ты помогла ей.

– В этом нет необходимости... – ее голос лишен прежней уверенности.

– Нет необходимости? – вновь взмечтаются визгливые нотки. – Отпустить твою протезе невозможно! Она немало видела, она официально мертва! Что прикажешь с ней делать? Ты точно рехнулась!

«Он прав, – невольно признает Элена, – позволить Бэмби уйти никак нельзя. Неужели я дала ей почувствовать свободу ради того, чтобы сутки спустя передать в руки убийц...»

– Что с тобой? – Коати впивается взглядом в ее побледневшее лицо. – Ты начинаешь сдавать, Элена, – сухо бросает он. – Эмоции одерживают верх над здравым смыслом... ты забыла об осторожности и совершаешь глупость за глупостью! Если и дальше так пойдет...

– Я потеряла немного крови, – холодно отвечает она, медленно сканируя его изумрудными глазами, – ты наблюдаешь последствия. Несколько дней и я приду в норму, не сомневайся.

– Рад слышать, – довольно кивает он. – Ты понимаешь, что я прав? Она живая бомба замедленного действия.

– Не преувеличивай... – В этом женском неживом голосе Вера слышит приближение смерти. И вновь, подавив инстинктивное желание сорваться с места, она заставляет себя сидеть неподвижно. «Стоит им обнаружить меня, я умру. Никто не станет ждать ночи», – подсказывают остатки здравомыслия. – Ты прав: вернуться она не может...

– Решено, – резко обрывает Коати и объявляет: – Тема закрыта.

«Вот я и подставила тебя под пули. Что делать? Нужно попытаться выиграть время...» – Элена отворачивается к стеклянной стене, принимаясь отстраненно изучать освещенные растения.

– Стоит отдать тебе должное, – отмечает Карлос на удивление спокойным голосом, глядя на стоящего напротив мужчину, – ты отлично поработал. Блестящая задумка, блестящая реализация. Благодаря тебе Эленита снова с нами...

«Как быстро меняется его тон», – презрительно отмечает «Эленита», наблюдая за тем, как за считанные секунды Коати превращается из неврастеника в персону, преисполненную чувства собственной значимости:

– Я хотел бы отблагодарить тебя, только затрудняюсь определиться с подарком... Не сможешь? – немного покровительственно, самодовольно обращается он к собеседнику.

На несколько минут они погружаются в тишину.

– Отдайте мне ее, – задумчиво произносит низкий голос.

– Кого? – непонимающе переспрашивает Коати.

Потрясенно вскинув голову, Элена молниеносно оборачивается.

– Вьетнамский сувенир на память о вьетнамском приключении, – усмехнувшись, говорит Эридеро.

– Сейчас не время для шуток...

– Я не шучу. В иных вариантах я не заинтересован.

В этом голосе, твердом и одновременно ироничном, Вера угадывает свой единственный шанс – шанс выжить. Пауза чересчур затягивается, и Вера прижимает руки к вискам: ей кажется, она вот-вот лишится сознания. Наконец с холодной вежливостью мужчина добавляет:

– Дон Карлос, вы не обязаны меня благодарить...

– После того, что он для меня, для нас, – подчеркивает Элена, ошеломленно глядя на Карлоса, – сделал... – в обращенном на него изумрудном взгляде читаются упрек и разочарование.

Коати мешкает и отворачивается, понимая: он угодил в расставленную собственными руками ловушку. Столь безумное пожелание и в голову не могло прийти. Отказать с его сто-

роны крайне неосмотрительно – не по понятиям нарушать слово, да и чревато это для репутации человека его уровня.

– Зачем она тебе? – недоуменно спрашивает он после длительной паузы.

– Мне так захотелось... – усмехается мужчина. – Прихоть, дон Карлос. Не ищите логики в этой просьбе.

– Прихоть??? – гневно восклицает Коати. – Ты отдаешь себе отчет в том, что твоя прихоть может обернуться...

– Не обернется, – обрывает его бесстрастный голос. – Вы отлично знаете: промахов у меня не бывает. Если вы решите оставить «сувенир» мне, не сомневайтесь: это не менее надежно, чем пустить ей пулю в лоб. – Вера вздрагивает. Эти слова произнесены абсолютно неоспоримым тоном. – Она никогда не доставит вам, нам, – уточняет он, – проблем. Я беру на себя полную ответственность. Полную.

– Что ж... – Карлос озадаченно пожимает плечами, сознавая: отказ после таких слов будет воспринят как неприкрытая демонстрация недоверия. Это не просьба, а своего рода требование партнера. – Учти, за любое осложнение отвечать придется тебе.

– Разумеется.

– Чем дольше она пробудет здесь, тем больше узнает... – не унимается он, – это невыносимо...

– Она ничего не узнает. Я позабочусь об этом.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно, – бормочет он. Происходящее кажется ему полным безумием. – Обещай: один неверный шаг, и ты ее убираешь.

– Будьте спокойны.

– Я не могу быть до конца спокоен... Интуиция подсказывает мне, что мы совершаем серьезную ошибку. Ладно, – с раздражением вздыхает он и процеживает: – Будь по-твоему.

– Спасибо.

– Что ж, – голос Элены звенит, подобно колокольчику, – проблема решена! А теперь можно наконец расслабиться и отметить мое возвращение.

Вера опускает голову и только тогда замечает, как дрожат руки. «Похоже я спасена, – неуверенно говорит себе она, – я буду жить, пока этому типу не придет в голову избавиться от собственной прихоти». Какое-то время она сидит не в силах пошевелиться, словно окаменев. А затем до нее доносится продолжение беседы: Элену коротко посвящают в произошедшее за время ее отсутствия... услышав вес последних грузов, Вера наконец выныривает из оцепенения, понимая: необходимо поскорее вернуться в комнату. Она поднимается и, оторвавшись наконец от колонны, пошатываясь, направляется в гостиную, но, не успев пересечь холл, сталкивается с Москито. Тот прытко подскакивает, больно хватая ее за руку и тащит за собой к комнате, от которой она успела отдалиться всего на несколько метров.

– Дон Карлос, – громко объявляет у входа Москито, – смотрите, кого я встретил! – и триумфально пересекает порог, грубо волоча за собой Веру.

«Что со мной будет???» – она непроизвольно утыкается взглядом в пол, боясь посмотреть в лица этих людей, и, спохватившись, судорожно сжимая в кулак свободную руку, приказывает себе: «Не смей дрожать». Москито продолжает жужжать у нее над ухом:

– Она подслушивала. Не знаю, правда, как долго... – и с силой сжимает ее запястье.

– Не понимая ни слова, она очень продуктивно подслушивала, – вздыхает Элена.

– Отпустите меня! – чуть слышно просит Вера.

– Что ты сказала? – с издевкой выпаливает он, сжимая запястье еще сильнее.

– Я сказала, отпусти меня, – с неожиданной твердостью повторяет она, поднимая глаза. Боль и гнев отрезвляют ее. – Убери руки, москитито!

Элена смеется. Лицо Москито искажается.

– Отпусти ее! – невозмутимо приказывает низкий голос.

Москито озирается на Карлоса в поиске защиты. Тот отворачивается.

– Мне повторить? – насмешливо осведомляется мужчина и делает шаг вперед.

Москито спешит убрать руку.

Потирая запястье, Вера чувствует, как скользит по ней изучающий взгляд и осмеливается наконец поднять голову: в нескольких метрах от нее стоит молодой мужчина, лет тридцати – тридцати пяти, высокий, темноволосый, с четкими, немного резкими, почти скульптурными чертами лица. Он смотрит на нее с любопытством и едва различимым удивлением. На секунду их взгляды пересекаются – глаза у него темные, взгляд пронзительный, глубокий. Вера смущается и, поспешно отведя глаза, продолжает изучать новое действующее лицо не то трагедии, не то фарса, коими обернулась ее жизнь: на нем светло-серый костюм – белая рубашка без галстука и пиджак с одной пуговицей – элегантный и в то же время не слишком официальный. Замешательство одолело бы ее окончательно, узнай она, что мужчина без труда читает ее мысли – больно красноречиво на бледном лице проступило удивление. «Знакомство» и правда ошеломило Веру – наркоторговцев она представляла несколько иначе: этот человек походил на молодого, очень стильного бизнесмена, но никак не на бандита. Более того, его внешний вид не имел ничего общего с образом, нарисованным услужливым воображением, едва она впервые услышала его прозвище и узнала о его «подвиге». А затем, словно очнувшись, Вера наконец перевела глаза на пристально разглядывающего ее невысокого мужчину, меряющего комнату быстрыми шагами: взгляд у него недоверчивый, с легким прищуром, в руках он вертит сигару, движения его отличает поспешность и одновременно осторожность. «Встреть я этого типа на улице, ни за что бы не догадалась, что он преступник, тем более лидер наркокартеля», – изумленно констатирует Вера: он производит впечатление человека скромного, мягкого, безобидного. Хотя, она присматривается, – внешнее добродушие вступает в контраст с цепким, хитрым взглядом. На запястье красуются массивные золотые часы, чересчур массивные, отмечает Вера.

– Москито, – резко отворачивается Коати. – Следуй за мной.

Она осмелилась осадить Москито, а теперь принялась изучать их: «Любопытство одержало верх над страхом», – с раздражением подмечает он. И более прежнего охватывает его беспокойство: девица измученная, но незабитая, и довольно неплохо держится, учитывая обстоятельства. «Эту ситуацию необходимо держать под контролем!» – мысленно подчеркивает Коати и, поравнявшись с выходом, бросает:

– Я вернусь через четверть часа, чтобы ее здесь не было!

Шаги удаляются. Медленно пересекая комнату, приближается Элена, останавливается напротив Веры и, глядя в ее глаза, ласково шелестит:

– Я приказала тебе не выходить из комнаты, не так ли? И ты обещала слушать меня... – молниеносно заносит руку и принимается хлестать по щекам ошеломленную Веру. – Это, чтобы ты перестала врать, – холодно комментирует она, нанеся первую пощечину. – А это, чтобы раз и навсегда уяснила: мои приказы выполняются беспрекословно, – она ударяет ее в другую щеку. – А это, чтобы избавилась от привычки подслушивать...

Третья пощечина обрушивается с такой силой, что Вера, пошатнувшись, отлетает к стенке. Стекланные стены комнаты кружатся перед глазами.

– Элена, остынь, – на удивление спокойный голос.

– Заслужила. Я должна была сделать это еще в больнице... – хладнокровно процеживает она и, вспомнив досадную деталь, резко оборачивается. – У нас проблема. – Убедившись, что за дверью никого, сообщает мужчине: – Кое-кто знает о побеге. Эта дура предупредила мед-

сестру за несколько часов до случившегося. Та отпросилась и ушла... Ким Кук, да кажется так ее звали.

Вера вздрагивает и выдает себя, вскинув на Элену полные слез глаза.

– Она понимает испанский? – интересуется мужчина, не упустивший из вида ее реакцию.

– С чего ты взял? – теряется Элена. – Нет, она не говорила... Может, несколько слов.

– Пожалуйста, оставьте Ким в покое, – шепчет Вера, вытирая слезы, – она ничего не расскажет! Особенно после того, как убедилась, на что вы способны.

– Сейчас она тебе поведает, что у медсестры дочь – инвалид, – с сарказмом заверяет Элена и добавляет: – Она, и правда, добрая женщина.

– Не причиняйте ей зла, пожалуйста! Это абсолютно бессмысленно...

– Ты понимаешь все, о чем мы говорим? – спрашивает мужчина, пристально глядя ей в глаза.

– Элена назвала имя... – спохватывается она.

– Да, точно. – Он отходит к стеклянной стене и несколько минут смотрит в сад. Затем вынимает сотовый. – Байрон, подойди, – приказывает он и, бесстрастно разглядывая Веру, лениво бросает Элене: – Хорош твой сувенир: болтушка и врушка. Давай устроим ей экскурсию – искупается в реке, познакомится с крокодилами...

Вера судорожно ловит воздух и прячет лицо в ладонях.

– Все она понимает, – удовлетворенно констатирует мужчина и спешит успокоить ее: – Мне нужна была твоя реакция. Не ври больше, не придется тебя разыгрывать.

– Я ее собственными руками крокодилам швырну! – негодуяше выдыхает Элена.

– Вы с ума сошли... – перейдя на испанский, Вера устало качает головой. – Делайте что хотите... – равнодушно бросает она. Силы покидают ее, уступив место апатии.

– Не бойся. – Он приближается, осматривает покрасневшее от ударов лицо и произносит на удивление человеческим голосом: – Тебе больше ничего не угрожает. Расслабься.

– Что вы сделаете Ким Кук? – дрожа, она не находит в себе сил поднять глаза.

– Идиотка! – восклицает Элена и невольно смягчается.

– С ней поговорят и только, – отвечает мужчина, задумчиво глядя на нее. – Обещаю, ее пальцем не тронут, пока она будет молчать. А теперь посмотри на меня, – не то просит, не то приказывает он. Вера поднимает глаза. – Возвращайся в комнату и не выходи без спросу. Поняла?

Она кивает.

– Байрон! – поспешно входит молодой, смуглый, накаченный парень. – Проводи сеньориту в ее комнату. Не спускай глаз с двери. Каждый час справляйся о ее самочувствии.

Вера рассеяно слушает: в манере отдавать приказы мужчина напоминает ей Элену: оба делают это с удивительной легкостью и небрежностью, ни на секунду не сомневаясь в том, что сказанное будет незамедлительно исполнено. Подобно Элене, Эридеро привык к слугам и не привык к неповиновению. Он его просто не потерпит, понимает Вера.

– Если тебе что-нибудь понадобится, проси Байрона. Это очень удобно, – с полуулыбкой-полуусмешкой сообщает он, и Вера затрудняется определить, что преобладает в его голосе: искренность или ироничность.

– Спасибо, – уголки губ едва заметно приподнимаются. – Не за тюремщика, а за то, что спасли мне жизнь.

– Об этом мы поговорим в другой раз, – заверяет мужчина.

– Конечно. Спокойной ночи.

Она отворачивается и следует за Байроном.

Байрон Гарсия озадаченно поглядывал на запертую дверь ванной комнаты: не успев переступить порог, девушка закрылась внутри и, похоже, не намеривалась выходить. На часах 24:55. Время от времени до него доносились кашель и негромкие всхлипывания. Ему строго-настрого велено следить, чтобы с ней ничего не случилось, но как, спрашивается, не видя ее, удостовериться в том, что все в порядке? «Может, попросить ее выйти?» – растерянно гадал он. Или не в его полномочиях отдавать ей указания? Будучи принятым на «службу» к Эридеро исключительно благодаря рекомендации старшего брата Серхио, телохранителя патрона, всего неделю назад, Байрон, проходя испытательный срок, неимоверно боялся оплошать, зная: один из самых влиятельных кокаиновых дельцов региона не прощает ни малейшего промаха. Первое поручение окончательно вогнало его в состояние паники: нет ничего хуже ответственности за бьющуюся в истерике женщину, в этом Байрон готов был поклясться. А в конкретном случае, не имея представления о значимости особы и границах дозволенного, ситуация осложнялась многократно. Наконец, отважившись, он вежливо произнес:

– Сеньорита, вы не могли бы вернуться в комнату? Уже поздно!

– Прошу вас, не напрягайтесь. Вам велено заходить каждый час, а не каждую минуту, – прозвучал после непродолжительного молчания тихий голос.

Байрон с облегчением вздыхает: мыслит связно, излагает внятно, похоже, все в норме.

– Сеньорита, я буду заходить, как велено, если вы вернетесь в комнату, и я смогу зрительно контролировать вас, – объясняет он. – В противном случае придется сообщить патрону...

– Не стоит, – устало говорит она. – Дайте мне минут десять.

Байрон с удовлетворением соглашается. Кажется, между ними есть нечто общее, заключает он: оба опасаются вызвать гнев одного и того же человека. Значит, с ней вполне можно договориться...

А между тем, вернувшись в комнату, Вера испытала неконтролируемое желание спрятаться не только от своего тюремщика, но и от новой, непонятной пока еще реальности. Истратив остаток сил на напряжение последних дней, ослабленное болезнью и изматывающими перелетами тело и оголенные нервы не выдержали: события этого вечера окончательно выбили подобие почвы из-под ног, силы иссякли... отданная на растерзание страха, слабости и отчаяния Вера взорвалась, выплеснув наружу все, что более не поддавалось контролю. Вновь она ощущала себя безвольной марионеткой, увлекаемой бешеной стихией в чудовищный водоворот. И чем глубже погружалась она в понимание сложившейся ситуации, тем сильнее охватывали ее осознание собственного бессилия, зависимости и ужаса. Никогда прежде будущее не казалось ей столь неопределенным. В тюрьме перед ней с беспощадной ясностью представляли три варианта развития событий: смерть, пожизненное заключение или свобода. А теперь? Теперь осталась лишь неизвестность. Еще сутки назад она была твердо убеждена в том, что страшнее «зверинца» быть ничего не может, сейчас же ей казалось, будто в очередной раз провидение доказывает: границы чудовищного весьма размыты, никогда не знаешь, где проходит черта, за которой заканчивается ужас. Сидя на полу просторной комнаты, чувствуя себя полностью опустошенной, Вера пыталась обдумать свое новое положение: там, в тюрьме, она по крайней мере была живым человеком. У нее был адвокат, она могла рассчитывать на помощь консульства, а еще были законы – часто несущие чисто декоративную функцию, они тем не менее служили сдерживающим фактором – это она осознала только сейчас, окунувшись в реалии полного беззакония. «Я объявлена мертвой, – снова и снова повторяла себе Вера, пытаясь вникнуть в смысл этих слов и в последствия, кои они влекут за собой, – а это значит, что меня просто нет. Никто не защищает меня отныне: ни адвокаты, ни законы, никто и ничто. Я исчезла юридически, и в любую минуту могу исчезнуть физически, стоит так решить незнакомому человеку, для которого жить мне или умереть представляется всего лишь прихотью. Ничто не мешает ему убить меня в любой момент, и он это понимает». Ей казалось: еще немного и она

сойдет с ума от страха и неопределенности... что будет завтра, через неделю, через месяц? Каково это – жить, гадая, проснешься ли ты на следующее утро, доживешь ли до вечера? Жить, зная, что у тебя нет никаких прав и ты отдана во власть человека, взрывающего больницы? А главное – нет будущего. «Ее нельзя отпускать, она много знает...» – эта фраза раскаленным железом врезалась в сознание. Не отпустят... А ждать помощи неоткуда. Вот такой расклад. Она исчезнет окончательно, и никто никогда не узнает, что с ней стало на самом деле. Может, к лучшему, что родителям сообщили о ее смерти, сказала себе Вера, потому, как вполне вероятно, так оно и есть, а она просто не ведает об этом...

На часах почти три ночи. За дверью раздается новый приступ кашля, продолжительный и особо сильный. Выждав немного, Байрон осторожно заглядывает в комнату. Негромко интересуется, не нужно ли ей чего-либо? В ответ – тишина. Яркий свет лампы освещает лежащую с закрытыми глазами девушку. «Не выключайте свет», – попросила она, вернувшись в комнату. Он с готовностью согласился: ему это только на руку. Помешкав с минуту, приближается, всматриваясь в бледное лицо, вновь интересуется ее самочувствием, и вновь ответом служит тишина. Байрон настораживается: она не могла не проснуться от подобного приступа кашля – притворяется, что не слышит, или ей в самом деле плохо? Решившись, дотрагивается до ее руки, безжизненно свисающей с кровати: рука горячая и сухая. Поспешно возвращается в коридор... спустя четверть часа вновь проходит в комнату и в растерянности замирает: девушка неестественно бледна, лоб покрыт капельками пота, изредка с губ срываются слова на незнакомом языке – похоже, бредит, догадывается он. Поразмыслив немного, звонит в дом для обслуживающего персонала, будит Валентину – Эридеро, знает Байрон, весьма ценит женщину, работающую у него не первый год, и просит прийти незамедлительно. На нее и возлагает надежды: она просто обязана помочь ему разругать ситуацию. Осмотрев «гостью», Валентина поспешно приносит смоченные в холодной воде полотенца: первое кладет на лоб, второе и третье прикладывает к рукам. Та не открывает глаз, никак не реагируя на проделанные манипуляции, а время от времени едва слышно произносит нечто неразборчивое. Проходит почти час, и Валентина подзывает Байрона:

– Ей не становится лучше, – она озадаченно качает головой, – кажется, ей даже хуже. Я бы на твоём месте поставила патрона в известность.

– Четыре утра, – ошеломленно произносит парень. – Он рассердится...

– Смотри сам, – вздыхает Валентина, – объясняться придется тебе.

– В доме должна быть аптечка...

– Ты с ума сошел! – восклицает женщина. – Ни о каком самолечении не может быть и речи.

Байрон в смятении выходит на улицу, закуривает. Если через час ее состояние не улучшится, придется сообщить... Пять часов – почти утро, пытается успокоить себя он. Час спустя возвращается, с надеждой глядя на Валентину. «Не тяни, – говорит она, – я тебя покрывать не стану». Байрон, сознавая, что вляпался по полной и стоит сделать неверный выбор, его ожидают серьезные неприятности, взвесив все «за» и «против», приходит к выводу: лучше перестраховаться и, рискнув, наткнуться на недовольство патрона, чем нести ответственность за возможные осложнения, вызванные его бездействием. Решившись, поднимается на верхний этаж и боязливо стучит в дверь центральной комнаты... с мыслями он собраться не успел, ответ последовал незамедлительно: образ жизни неизбежно накладывает отпечаток – подобно многим своим «коллегам», Эридеро получил в подарок к славе и могуществу весьма чуткий сон.

– Патрон, – извиняющимся тоном проговорил Байрон, испуганно уткнувшись в закрытую дверь, – гостье плохо.

– Что с ней? – абсолютно бесстрастный голос.

– Высокая температура, жар...

– Позови Валентину, пусть посмотрит...

– Я так и поступил, – с облегчением сообщает Байрон. – Она сделала все, что могла, но сеньорите по-прежнему плохо. Кажется, она начинает бредить... Я подумал, что вы должны знать.

– Правильно сделал. Возвращайся.

Не веря своему счастью, парень спешит выполнить указание.

Несколько минут спустя в комнату Веры проходит Эридеро. «Открой окно!» – велит он Валентине, опускается на придвинутый к кровати стул и принимается внимательно оглядывать мертвенно-бледную «гостью». Не преувеличил парень, констатирует он, ей в самом деле плохо. В этот момент она поворачивает к нему лицо и что-то говорит на родном языке – тихо и очень внятно. «Бредит, не соображает, где находится... – отмечает Эридеро, – да и неудивительно после пережитого». Мужчина дотрагивается до ее запястья, нащупывает пульс – учащенный, даже слишком, сжимает горячую, словно обожженную руку, и Вера, внезапно распахнув глаза, судорожно вырывает ее. «Судя по реакции, она меня узнала, – усмехается он. Пристально всматриваясь в бледное лицо, произносит: – Ты помнишь, где находишься?» В ответ Вера поспешно закрывает глаза и отворачивается. «Помнишь... – задумчиво говорит он, набирая номер: – Доктор Монрой, вы мне нужны безотлагательно. Через четверть часа за вами заедут». Затем отходит к окну. Сквозь боль, слабость и окутавший сознание туман Вера физически ощущает скользкий по ней взгляд: мало-помалу он возвращает ее в реальность, подобно другому взгляду, который она почувствовала, лежа на полу в тюремной камере, – холодному, жестокому, хищному. Тогда она заставила себя собраться и ответить, сейчас же боится открыть глаза, прочесть жестокость и насмешку, понимая: ответить она не сможет, силы иссякли, их источник, казалось ей, погас. Зажмуривается, и в этой детской попытке убежать представляется себе на удивление жалкой.

А между тем в обращенном на нее взгляде не скользило и тени насмешки. Мужчина смотрел на нее сосредоточенно, обеспокоенно, с нескрываемым интересом. Вера немало удивилась бы, узнав, что ему так и не удалось сомкнуть глаз этой ночью, и причиной тому была она. То, что он охарактеризовал прихотью, на самом деле было порывом, довольно неблагоразумным, признал он позже в разговоре с Эленой. Но в те минуты нечто заставило его принять решение, последствия которого, понимал он, могут быть непредсказуемы и весьма существенны. А чем объяснялся этот лишенный здравого смысла шаг, объяснить до конца он так и не смог ни Элене, ни самому себе. «Решено!» – сказал Коати, и он, словно наяву, увидел ее измученное лицо и огромные глаза. Представил, как ночью в комнату войдут, и, возможно, в последнюю секунду она распахнет глаза, так же, как несколько часов назад, – с детской доверчивостью и открытостью, встретив дуло пистолета... А еще была Элена: для близко знакомого с ней человека ее поступок был чем-то из рода фантастики – Элене не были свойственны сентиментальные порывы, и у него не возникало сомнений: ни за что на свете не стала бы она вытаскивать из тюрьмы кого-либо, руководствуясь жалостью и желанием восстановить справедливость – подобный поступок необходимо было заслужить. Очевидно, это полуживое создание достойно справлялось с выпавшими на ее долю несчастьями, в противном случае Элена бы и пальцем ради нее не пошевелила. И потом, она не особо ладила с женщинами и не имела подруг. Завоевавшая ее симпатию заключенная должно быть особа довольно необычная, предположил он, и этот факт пробудил в нем любопытство. Обо всем этом он размышлял, слушая диалог Коати и Элены, и мысль о том, что она вырвалась из тюрьмы ради того, чтобы сутки спустя быть убитой киллером в Колумбии, показалась ему неким изощренным трагикомическим фарсом. Если Элена полагает, что «сувенир» заслуживает свободы, не стоит нажимать на курок, не оставив ей ни малейшего шанса, решил он, в конце концов сделать это я всегда успею, – и озвучил свою

прихоть, не без удовольствия обставив «дона Карлоса»... Желаемое он получил – нежданная гостья оказалась полностью в его власти. Решать ее судьбу отныне не может никто, даже Елена. «Что мне с тобой делать?» – в очередной раз мысленно обратился он к Вере. Это история только начинается, и лишь время покажет, не придется ли пожалеть о спонтанном порыве – едва ли не единственном принятом Эридеро решении, в правильности которого он сомневался. Сомневался, так как не мог не признать правоту Коати. Двойную правоту Коати, если быть точным, отметил Эридеро: видела и знает она достаточно, чтобы создать проблемы, и это превращает ее в носителя информации, информации, которая не отпускает... и да, вероятнее всего, к этой информации добавится новая, если она задержится среди них надолго. Что останется ему? Создать для нее тюрьму с условиями пятизвездочного отеля в надежде, что она смирится и согласится покорно существовать в предложенных условиях? Если она действительно обладает характером, то рано или поздно желание обрести свободу одержит верх над страхом, и тогда у него не останется выбора... Ее необходимо заставить понять это как можно скорее.

В комнату входит немолодой мужчина в очках. До Веры доносятся голоса, она вслушивается, затем открывает глаза и робеет, поймав взгляд Эридеро.

– Доктор Монрой, – говорит он, – займется твоим здоровьем.

– Я осмотрю вас, сеньорита, – вежливо произносит врач.

– Вы бы не могли выйти? – не поднимая глаз, бросает Вера стоящему у окна мужчине.

– Конечно, – приветливо отвечает он и, поравнявшись с дверью, бросает: – Закончите, сообщите.

Далее следует рутинный осмотр. Внимание Веры привлекает тот факт, что доктор Монрой не задает ни единого вопроса и никак не комментирует ее состояние. Закончив, поспешно направляется к двери и просит Байрона позвать сеньора. Когда тот входит, безотлагательно вводит его в курс дела, и Вера с грустью отмечает: состояние ее здоровья обсуждают так, словно это не имеет к ней ни малейшего отношения, не с ней, а с тем, кто отныне решает за нее. Наглядная демонстрация ее бесправия.

– Запущенная ангина, мне не нравится ее кашель. Температура 39.9. Сильная анемия, истощение, нервное перевозбуждение. В таком состоянии организму не просто сопротивляться инфекции. Это, конечно, дело ваше, но я настоятельно рекомендую минимизировать стресс, в таком случае она значительно быстрее пойдет на поправку. Через несколько часов я вернусь осмотреть донью Элену и привезу все необходимые лекарства и витамины. А сейчас температуру необходимо сбить и взять кровь на анализ.

– Доктор Монрой, – не сдержавшись, тихо произносит Вера, – я была уверена, что о состоянии здоровья информируют непосредственно больного, коли тот является совершеннолетним и психически полноценным. Или в вашей стране врачебная этика отличается от общепринятой?

Эридеро неспешно оглядывается и смотрит на нее так, словно она сказала нечто весьма забавное. «Похоже, я его веселю, как шут гороховый», – вспыхивает Вера.

– Не напрягайся. Тебе необходим покой, – насмешливо произносит он и добавляет: – Ты весьма неплохо говоришь по-испански.

Доктор Монрой достает из сумки два шприца: один с довольно длинной иглой. Вера испуганно садится и вжимается в стенку кровати. «Это произойдет ночью, – говорил Карлос, – она ничего не успеет почувствовать», – по телу пробегает дрожь. «А если он намеренно усыпит меня, чтобы затем... да и откуда мне знать, что он собирается вколоть? Может, они хотят напичкать меня наркотиками, чтобы я не приходила в сознание...» Дыхание учащается, руки предательски дрожат, она спешит опустить глаза, придать лицу привычное отстраненное выра-

жение – не выходит: слишком слаба, слишком обессилена, слишком напугана. Вера застывает, вжавшись в стенку, согнув руки, обхватывает ими плечи, словно пытаясь согреться.

– Что с вами? – недоумевает доктор Монрой. – Я сделаю вам жаропонижающий укол и возьму кровь на анализ. Укол не самый приятный, зато вам станет существенно легче...

– Не нужно уколов, пожалуйста! – едва слышно бормочет Вера.

Доктор со вздохом оборачивается, вопросительно глядя на Эридеро.

– Это необходимо? – осведомляется тот. Монрой кивает. – Что ж, – хладнокровно произносит он, приближаясь к Вере, – ты слышала. Протягивай руку, не упрямься.

– А что если буду упрямиться? – она поднимает полные страха глаза. – Отвезете на экскурсию?

– Нет, – по губам пробегает едва заметная улыбка. – Но болеть будешь долго. Думаю, и тебе не по душе подобные ночные «шоу». Избавь себя и меня от них как можно скорее. – Вера медлит. – Давай руку и закрывай глаза, – спокойно приказывает мужчина. – Ну же, прекращай вести себя, как ребенок!

Вера нехотя подчиняется. Доктор Монрой со шприцом в руке подходит совсем близко, и она непроизвольно отдергивает руку. Эридеро усмехается, и когда Вера вновь протягивает руку, перехватывает ее, сжав запястье, прижимает к кровати, фиксируя и не оставляя возможности пошевелиться.

– Закрывай глаза, – тихо повторяет он.

На этот раз Вера следует совету. Укол на удивление болезненный. Она закусывает губу, подавив стон, и приподнимается, но мужчина поспешно кладет руку ей на плечо, заставляя податься назад. Анализ крови по сравнению с уколом кажется комариным укусом.

– А теперь антибиотик, – одобряюще улыбается доктор. Вера покорно выпивает. Больше всего ей хочется остаться в одиночестве. В конце концов, таблеткой больше, таблеткой меньше – какое это имеет значение, если они решат осуществить задуманное? – Вы сейчас уснете, а когда проснетесь, будем надеяться, температура спадет.

– Я проснусь? – спрашивает Вера, не поднимая глаз.

– Можешь в этом даже не сомневаться, – отвечает голос, в котором скользят на удивление теплые нотки. – Идите, доктор, я к вам присоединюсь, – бросает он. Когда тот выходит, говорит Вере: – Спи спокойно. Обещаю, твоим сном я никогда не воспользуюсь.

– Меня это успокаивает... когда наступит момент, я предпочту знать об этом.

– Это правильно, – одобряюще замечает он. – С жизнью желательно иметь возможность проститься. – Затем смотрит на нее пристально, изучающе и наконец задумчиво произносит: – Это произойдет только в том случае, если ты не оставишь мне выбора. Так что, тебе решать, как долго ты хочешь жить.

– Вы шутите, – ее начинает клонить в сон: мысли обрываются, перед глазами все расплывается.

– Нет. Спи. Поговорим, когда тебе станет легче.

Вера слышит, как удаляются шаги, закрывается дверь, и, оставшись одна, она наконец засыпает.

Открыв глаза, Вера замирает: комната утопает в солнечном свете. Яркий, необычайно жизнеутверждающий, он струится из окна, образуя широкие полосы на полу, рисуя квадратики на стоящих у окна диване и кресле. На стене пляшет солнечный зайчик. Вера поднимается: голова тяжелая, ставшая неизменной спутницей слабость сдаваться не намерена, но жар спал; и с удивлением осознав: ее на самом деле решили лечить, а не убивать и не доводить до бессознательного состояния, она испытывает безмерное облегчение и слабо улыбается. Принимается

перечислять: «Я проснулась, жар отступил, солнце светит, и его даже можно увидеть – в тюрьме о подобном и не мечталось...» – убеждая себя, что на данном этапе необходимо черпать силы из каждого положительного момента. Подойдя к окну, на несколько минут застывает, рассматривая открывшийся взору пейзаж: вдалеке раскинулись необыкновенные, словно нарисованные для компьютерной игры, высокие зеленые холмы, и прямо на их вершины спустились огромные, жемчужные, похожие на комки сладкой ваты облака. Фантастическое небо, подобного которому Вера не встречала ни в одном из своих путешествий, поражало воображение – филигранно смешанные гениальным художником темно-синяя и белая краски являли редкую по красоте картину бескрайнего пространства: перламутрово-жемчужное кружево, обволакивая синеву, образовало причудливый густой узор, сквозь который проглядывали полосы интенсивно-синего цвета... высокое над головой небо уходило под наклоном к горизонту затем, чтобы в самой дальней точке слиться с зелеными холмами. А прямо за воротами дома плотной стеной взметнулись деревья: насыщенного изумрудного оттенка, высокие, монументальные, они казались более грозными стражами этого клочка земли, чем вооруженные люди у ворот. Вера с изумлением всматривается в эти кажущиеся инопланетными «декорации», на удивление гармонично дополняющие ту параллельную реальность, в которую ее забросил злой кукловод, и внезапная, словно вспышка молнии, мысль пронзает сознание: «Умирая я буду смотреть в это небо, но не дневное, а утреннее... это случится ранним утром, после рассвета». Опустившись в кресло, она силится унять бешеный стук сердца, повторяя: «Глупости, просто глупости! Откуда берется подобный бред? Нервное перевозбуждение, сказал доктор Монрой, вот и последствия. Необходимо взять себя в руки, так и до галлюцинаций недалеко...» Затем бросает взгляд на часы – 13:15. О событиях последней ночи напоминают неприятная липкость кожи и спутанные волосы: похоже, серьезно лихорадило – морщится Вера и спешит пройти в ванную комнату. Настроение мгновенно улучшается: возможность принять душ со всеми удобствами воспринимается после пережитого небывалой роскошью. «Никогда, – думает она, – я не сумею относиться к горячей воде и ее доступности, к наличию банных и туалетных принадлежностей, как к обыденности». Стоя под теплыми струями, Вера восстанавливает в памяти ночные события и сказанные напоследок слова: «тебе решать, как долго ты хочешь жить». «Неужели? Остается только выяснить, что подразумевается под словами: „если ты не оставишь мне выбора“. Возможно, для этого достаточно одного неверного слова... Тот еще тип: освобождая подругу, готов был смести все на своем пути, включая невинных людей. При этом выглядит на удивление вменяемым... или мне хочется в это верить? – размышляет она и тут же напоминает себе: – Он друг Элены, это обнадеживает. Так или иначе, я жива только благодаря ему...»

Вернувшись в комнату, она застаёт сидящую в кресле у окна Элену.

– Как твоя рана? – интересуется Вера.

– Нормально. Доктор Монрой назвал ее ювелирной работой. Шрам можно будет удалить лазером. Я даже не знаю, такое воспоминание... – с сарказмом говорит она. – А сама как? Мне поведали, что ночью ты учудила переполох.

– Мне, и правда, было неважно, – признается Вера. – Надеюсь, это уже позади.

– Тебе не мешает обработать следы нашей вечерней «беседы», – бросает она, изучив лицо Веры, и усмехается, – я велю принести мазь. Рука у меня тяжелая, но ты сама напросилась.

– Не надо об этом, – отстраненно произносит Вера.

– Надо, – холодно возражает Элена. – Как долго ты подслушивала?

– Я знаю о том, что мы объявлены погибшими... – признается она.

– Ты соображаешь, что могло случиться, обнаружь тебя Москито десятью минутами ранее?! – Вера молчит. – Бэмби, – вздыхает Элена, – это очень странно: с одной стороны, тебя судьба колотит нещадно, с другой, спасает в самый последний момент.

– Что меня ждет? – спрашивает Вера, понизив голос.

– Никто не знает, что ждет за поворотом, есть лишь иллюзия предсказуемого завтра... – театралью проговаривает Елена и серьезным тоном продолжает: – Пока ты останешься в этом доме. Тебе очень повезло попасть под опеку его владельца.

– Кто он? – за напускным равнодушием угадывается плохо замаскированное любопытство.

– Человек, который пожалел тебя настолько, чтобы спасти, – улыбается Елена. – Так что веди себя примерно и не думай создавать проблемы. Если хочешь остаться в живых. Он очень великодушен, пока его не разочаровывают. В твоих интересах продолжать пробуждать в нем великодушие, а не... – Она на секунду замолкает и с уверенностью заключает: – Думаю, ты достаточно умна, чтобы правильно прочесть ситуацию.

– Я не совсем понимаю... – растерянно произнесенные слова. Произнесенные сдавленно, очень тихо.

– Ты не можешь уйти, – Елена пристально смотрит ей в глаза, – это ты уже знаешь. Любая попытка связаться с кем-либо вне этого дома или покинуть его стены, будет стоить тебе очень дорого.

– Но почему бы вам не отпустить меня? – безрассудно, отчаянно просит Вера. – Вы можете переправить меня в любую точку мира, никто и не узнает, что я была здесь. Я что-нибудь придумаю... ну, например, мне удалось выбраться из здания, убежать... а потом добраться до аэропорта и пробраться в грузовой самолет...

– Бэмби, что за детский лепет... – насмешливо произносит Елена. – Прекращай! Это невозможно!!! – отрезвляет ее металлический голос.

– Я ведь была свободна... – обрывает ее Вера, немигающим взглядом глядя в окно, туда, где облака сливаются с холмами. – Десять часов я была свободна, я почти вернулась домой... лишиться свободы во второй раз не менее жутко, чем в первый, возможно, даже более... – Она оборачивается к Элене и, пристально глядя ей в глаза, произносит медленно, со страхом, тоской, отчаянием: – Ты можешь себе представить, каково это: обрести свободу, чтобы десять часов спустя узнать, что ты опять все потеряла?!

– Я знаю, что такое терять все... терять все и мечтать о смерти... – ее лицо каменеет, подобно маске, и на Веру устремляются горящие изумрудные глаза. – Пока ты цепляешься за жизнь, не потеряно то, чего уже не отыскать.

– Возможно, ты права... – задумчиво произносит Вера, ошеломленно наблюдая за тем, как лицо собеседницы вновь принимает бесстрастное выражение. – Прости, я не хотела...

– Я все понимаю, Бэмби... понимаю, что на тебя обрушился кошмар, из которого ты вырвалась на секунду лишь для того, чтобы обнаружить новый кошмар... – Застыв, Вера смотрит на нее, боясь пошевелиться: подобной нежности в этом голосе она не могла и представить. Кажется, этот голос принадлежит другой женщине или напротив возрождает ту, которая жила в ней или продолжает жить, отдалившись от нее нынешней. – Ты не заслужила подобного, ты не выбирала, но что поделать – судьба точнее пули, и никогда не знаешь, когда и где она тебя подкараулит... Поверь мне: то, что произошло – наилучший вариант из возможных, учитывая обстоятельства, разумеется.

– Ты скоро уедешь? – потерянно уточняет она. Елена кивает. – Мы еще увидимся?

– Конечно, – в голосе искренняя теплота. Похоже она пытается ее утешить. – Меня будут посвящать в твои дела. Обещаю звонить, а иногда приезжать в гости.

– А ты не можешь взять меня с собой? – не то просьба, не то вопрос, ответ на который она ждет с обескураживающей надеждой. Елена отрицательно качает головой. – Я ведь его совсем не знаю... – в голосе беспомощность.

– Не бойся, – улыбается Елена. – Он тебя не обидит. Но ты должна понимать: есть правила, которые не обсуждают, им следуют – стоит тебе перешагнуть черту, ты подпишешь себе приговор. Собственными руками. Ты не оставишь ему выбора, понимаешь? Тогда и я ничем

не смогу помочь тебе. Не испытывай судьбу, прошу тебя, не вздумай рисковать. Запомни: подобный риск сродни самоубийству.

– Значит, у меня нет будущего, – глухо произносит Вера. – Ни-ка-ко-го.

– Этого ты знать не можешь, – вздыхает Елена. – Посмотри на ситуацию с другой стороны: твои шансы на свободу во Вьетнаме были практически равны нолю. Ты избежала расстрела, а условия здесь несравнимы с тюремными. В любом случае твое положение улучшилось.

– Но там у меня была хоть какая-то защита...

– Неужели? – она вскидывает брови. – Ты забыла, что сделал зверек с твоей подругой? А сколько раз на тебя поднимали руку? – Вера мрачнеет. – Ты бы загнулась в тех условиях, сама видишь, в каком ты состоянии. Здесь к тебе будут хорошо относиться, ты ни в чем не будешь нуждаться. Бэмби, животные в сафари живут порой не хуже, чем на свободе, это тебе не ненавистный зверинец и не клетки, которые ты мечтала открыть...

– Сафари... – задумчиво произносит Вера, – имитация свободы.

– Ну да, – улыбается Елена. – Будущее есть лишь планы и иллюзии. Живи настоящим. Все не так плохо, могло быть гораздо хуже.

– Ты права, – соглашается Вера. – Я должна выздороветь. На этом и попробую сконцентрироваться.

– Молодец! – хвалит Елена.

– Ты бы не могла принести мне ножницы?

– Это еще зачем? – в голосе недоумение.

– Хочу состричь волосы, – спешит объяснить Вера. – Они мне мешают, слишком длинные, и, кажется, запах тюремного мыла смыть не удастся... Говорят, состригая волосы, избавляешься от негатива.

– Чуть позже ко мне приедет мой мастер, я попрошу его заглянуть к тебе, – обещает Елена. – Вечером у меня ужин, необходимо хоть немного привести себя в порядок. Кстати, – спохватывается она, – я принесла тебе все необходимое на первые дни. – Оглянувшись, Вера обнаруживает пакеты с одеждой. – А теперь мне пора. Я прикажу Валентине принести тебе еду и антибиотики.

Этот разговор успокоил и ободрил Веру. Более всего нуждалась она в эти минуты в покое, пусть временном, пусть призрачном, покое, благодаря которому сможет собраться с силами и прийти в себя. Напряжение последних дней чуть спало, чудовищная головная боль отступила, страх сделал робкий шаг назад, и, оставшись в одиночестве, Вера попыталась объективно проанализировать случившееся: проще всего этим людям было убить ее, тем самым навсегда избавившись от проблемы. Но Елена не хотела прибегать к подобному решению, а Эридеро поддержал ее. «Быть может, он действительно пожалел меня, – думала Вера, – в таком случае ему не чужда человечность. И потом, с Эленой у них довольно близкие отношения, вряд ли он станет огорчать ее без крайней необходимости... Да и она не стала бы с таким уважением относиться к психопату и ничтожеству». Вера не могла не признать – в последние дни Елена не раз доказывала свое особое к ней отношение: вытащила сначала из тюрьмы, а затем из больницы, не бросила в Ханое, узнав, что она нарушила слово и предупредила Ким, не убила в Хартуме и пыталась спасти ее от логически напрашивающегося приговора. Не верить ее словам оснований не было: «Элена никогда не врала мне, напротив, была чересчур откровенна и порой жестока в своей искренности, – заключила она. – Не было у нее причин врать мне и сейчас, когда я полностью в их власти. Посему если она утверждает, что при соблюдении условий ко мне будут хорошо относиться, вероятно, так оно и есть». Придя к этому выводу, Вера с облегчением вздохнула: беспросветный мрак, нарисованный измученным сознанием нака-

нуне, понемногу рассеивался, картина прояснялась, появились первые светлые пятна. Затем она распаковала принесенные пакеты – в них оказалось все необходимое на ближайшие дни: белье, белые майки, джинсы и очень красивые костюмы – бордовый, темно-синий, черный, сиреневый и бледно-розовый – приталенные кофты на молниях с длинными рукавами и брюки по фигуре – идеально удобная одежда как для дома, так и для прогулок по местности, открывшейся за окном. Вера поспешила переодеться в бордовый костюм и с грустью отметила, что ее привычный размер вместо того, чтобы обтягивать тело, довольно свободно на нем болтается. Фигуру до тюремного периода эта одежда подчеркнула бы крайне выигрышно, сейчас же подчеркнутой оказалась лишь ее болезненная худоба... «Я стала совсем другой, и люди смотрят на меня иначе, – с болью осознала она и, глубоко вздохнув, прогнала непрошенные слезы. – Это вопрос времени, я выздоровею и снова узнаю себя в зеркале».

И все же, подарки доставили ей искреннюю радость – у нее появились вещи: новые, красивые, ее собственные. Как раньше. Окинув взглядом комнату, Вера с удовлетворением улыбнулась: несколько дней назад она мерзла на подстилке в крошечной клетке, мылась прохладной водой и не расставалась с полосатой формой, не говоря уже об отсутствии элементарных средств гигиены и личного пространства... да, Элена, как всегда, права, ее положение улучшилось. Даже учитывая неизвестность, сказала себе она, перебирая в памяти тюремный быт, это предпочтительнее. Потому как мне нечего было терять, и за ту жизнь не имело смысла цепляться...

Несколько раз в комнату заглядывает сменивший отдыхающего Байрона охранник по имени Рикардо – молодой, смуглый, молчаливый. В отличие от коллеги, он почти ничего не говорит, заглядывает на минуту и спешит скрыться из виду. Веру это вполне устраивает. А вот женщина по имени Валентина оказалась куда более назойливой: она принесла обед и горку таблеток, при виде которой Вере, активной нелюбительнице химии, стало не по себе. Говорила женщина очень медленно, тщательно проговаривая слова, вероятно полагая, что иностранка понять сказанное в полной мере не в состоянии, и производила впечатление особы довольно жесткой, неприветливой и напористой. Принесенный обед состоял из мясных блюд: супа с фрикадельками и мяса, залитого молочным соусом с зеленью, при виде которого Вере сделалось не по себе. «Это кролик», – пояснила Валентина, заметив озадаченный взгляд. Мясо Вера не ела с семи лет, и едва услышав, что лежит перед ней на тарелке, поспешно встала из-за стола: и без того слабый аппетит отшибло полностью. Она поблагодарила, отметив, что большую часть жизни мясо не ест и менять свои привычки не планирует, на что услышала возмущенные причитания: доктор Монрой прописал ей специальную диету, в которую непременно входят мясные блюда, далее следовало перечисление, от которого Вере сделалось дурно: помимо кролика, ее новый рацион угрожал пополниться мясом цыпленка, косули, оленя и страуса. «В этом доме все это едят?» – изумленно поинтересовалась она. Валентина наградила ее взглядом, в котором читалось неприкрытое сомнение в ее душевном здоровье. Вера попросила побыстрее убрать со стола принесенный поднос и не напоминать ей о еде в ближайшие часы. Женщина же опускать руки не намеривалась: «Сеньор велел мне следить за выполнением указаний доктора. Не создавайте мне проблем!» – грозно заявила она. Вера подняла поднос, вынесла его за дверь и всучила в руки Рикардо. Валентина, обещая рассказать все патрону, временно капитулировала. Вернувшись через час, она принесла салат, бутерброд с сыром, фрукты и горячий грейпфрутовый сок с медом. Вера пообедала, выпила микстуру от кашля, обрадовалась, найдя леденцы для лечения горла, от остальных антибиотиков отказалась.

Весь день провела она у открытого окна, сидя на диване, укутавшись в плед, наслаждаясь солнечными лучами, свежим воздухом и прекрасным видом. «Странно, почему вчера я так замерзла? – гадала она. – День в самом деле был холодным или виной тому была болезнь? Сегодня так тепло, +20, не меньше». А далее на холмы спустились сумерки, и Вера завор-

женно наблюдала за тем, как темнеет небо, контуры холмов утопают в темной дымке, и деревья, казалось, погружаются в сон. Вечерний пейзаж выглядел таинственно и зловеще, в таких декорациях можно смело снимать сказки, подумала она.

В дверь постучали, в комнату заглянул незнакомый мужчина.

– Сеньорита, – сообщил он, – меня прислала к вам донья Элена.

– Проходите, – кивнула Вера, догадавшись, кем является гость.

Он приблизился, и от Веры не укрылось замешательство, проскользнувшее на считанные секунды в его глазах.

– Понимаю, – усмехнулась она, – такая клиентка вам досталась впервые.

– Что вы, сеньорита, ничего подобного, просто... – бедняга пытался нащупать ускользнувшую почву. – Меня зовут Камило, – растерянно проговорил он.

– Очень приятно, – вежливо ответила Вера, но в ответ не представилась. Если она объявлена мертвой, называть свое имя незнакомым людям, не получив на то согласия, с ее стороны весьма неосмотрительно. – Вы могли бы подождать немного, я помою голову? – он с готовностью кивает.

Вера спешит в ванную, десять минут спустя возвращается и просит Камило сделать ей короткую стрижку. Тот усаживает ее на стул в центре комнаты и принимается внимательно изучать длинные волосы. «Доктор Монрой не осматривал меня настолько сосредоточенно», – улыбнулась она.

– Сеньорита, – наконец постановил Камило, – ваши волосы, в отличие от вас, здоровы. Вы уверены, что хотите состричь их? Я бы мог придать форму. С такой длинной получится очень красиво.

– Стригите, – тихо, но очень твердо просит Вера, – и чем короче, тем лучше.

Камило вздыхает и принимается за работу. Вера с любопытством ожидает результата: в последний раз короткая стрижка была у нее в детстве.

– Давайте остановимся на линии плеч, – предлагает он, и Вера не успевает возразить. – Если через неделю вы не передумаете, обещаю вернуться и сделать все, как скажете. Думаю, для первого раза достаточно. Я сделаю ступенчатую стрижку, и вы сможете присмотреться и решить, комфортно ли будем вам с короткими волосами. Подозреваю, что не комфортно.

– Почему? – с интересом спрашивает Вера.

– Вам идут длинные... когда выздоровеете, станете похожи на фею.

– Делайте, как считаете нужным, – она сдается.

Затем с интересом изучает результат, стараясь абстрагироваться от похудевшего лица с впавшими щеками, выступившими скулами и черными синяками под глазами. Волосы непривычно короткие: передние пряди не доходят до подбородка, а самые длинные едва касаются плеч. Голова стала на удивление легкой, словно срезанные пряди и впрямь унесли море негатива и нерадостных воспоминаний.

– Спасибо, Камило, – искренне благодарит она, – вы очень талантливы.

– Без ложной скромности: донья Элена выбирает лучших... – Прощаясь, он снабжает ее заколками, необходимыми средствами ухода и расческами. – Надеюсь, – говорит он, – в следующую нашу встречу вы будете здоровы и красивы, как прежде.

Вера возвращается на свой диван. Кажется, температура к вечеру повышается, расстроено отмечает она. За окном темно. «Я начинаю возвращаться в нормальное человеческое состояние», – с удовлетворением осознает она, проводя рукой по гладким уложенным волосам, затем собирает их в хвост и слабо улыбается: короткие хвостики напоминают ей детство. Из воспоминаний ее вырывает с шумом распахнутая дверь – по-боевому настроенная Вален-

тина принесла ужин и новую порцию таблеток. Взглянув на поднос, Вера непроизвольно морщится: полная тарелка риса, опять мясо, апельсиновый сок, вареные морковь и свекла.

– Валентина, – с подчеркнутой вежливостью обращается к женщине Вера, – я вам объяснила ранее: я не ем мясо. Пожалуйста, унесите это побыстрее.

– Доктор Монрой велел приготовить вам грудку индейки на пару. Это очень полезно. Ешьте, – упрямо настаивает женщина.

– Не тратьте времени зря, – просит Вера. – Вы унесете или мне самой это сделать? – она встает.

– Ну, знаете... – Валентина убирает поднос, недовольно поджав губы. – Выпейте таблетки!

– Оставьте, позже выпью. Спасибо за ужин!

– Имейте ввиду, я все расскажу сеньору!

– Вы мне угрожаете? – Вера вскидывает на нее удивленные глаза. – Я, по-вашему, ребенок, которого пугают наказанием взрослых?

Валентина не отвечает и молниеносно скрывается за дверь. «Она невыносима!» – бросает не успевшему сменить Рикардо Байрону. С верхнего этажа спускается хозяин дома. Поравнявшись с женщиной, бегло бросает взгляд на полный поднос и на ходу приказывает:

– Занеси, болтать будешь, пока она ужинает.

– Сеньор, – тараторит Валентина ему в спину, – я возвращаюсь с подносом на кухню.

Мужчина тормозит и поворачивается, вопросительно глядя на нее.

– Она отказалась обедать, а теперь и ужинать, и принимать лекарства тоже отказывается. Я строго следую предписаниям доктора Монроя, он назначил ей специальную диету, но сеньорита даже не притрагивается к приготовленному. Выставляет меня вместе с подносом из комнаты. Пьет те таблетки, которые считает нужными, как будто она врач, – негодует Валентина. – Я предупредила ее о том, что доложу вам, а она в ответ: «Я не ребенок, чтобы меня пугали», – и указала на дверь. Сложно с ней, сеньор.

– Внеси все обратно, – говорит он и отворяет дверь, жестом показывая Валентине войти. Та с победоносным видом проходит в комнату.

– Валентина, – холодным, безупречно вежливым тоном произносит Вера, – мне объяснить еще раз?

– Непременно, – раздается за дверью низкий голос. – Я тебя слушаю.

Эридеро входит в комнату и закрывает за собой дверь. Вера от неожиданности замирает, почувствовав пристальный взгляд – вспыхивает и, пытаясь скрыть замешательство, тихо отзывается:

– Все очень просто: я много лет не ем мяса. А ваша помощница упорно пытается меня им накормить.

– Доктор Монрой считает, что вам это необходимо... – устало заверяет Валентина. – Он доктор, он знает, что говорит.

– Для отвыкшего от мяса организма потребление оногo – стресс, – отстраненно объясняет Вера. – Мне смотреть на него неприятно, не то что есть... Бедный кролик, – едва слышно пробормотала она.

– На ужин я принесла вам не мясо, а птицу, но вы опять отказались есть! – не унимается женщина.

– А разве птица не мясо? – недоумевает Вера. – Тогда внесу ясность: птицу я тоже не ем.

– Поставь поднос на стол, – велит Эридеро и опускается в кресло напротив Веры. Изучает горку таблеток, возникшую на столе. – Что ты да ешь? – интересуется он лишенным каких-либо эмоций голосом.

– Все остальное, – непроизвольно перейдя почти на шепот, отвечает Вера.

– Рыбу, молочное, яйца, морепродукты? – Вера кивает. – Готовь сеньорите то, что она предпочитает, балуй ее... Я хочу, чтобы сеньорита поскорее выздоровела. И не говори с ней тоном полицейского, – усмехается Эридеро, – она моя гостя.

– Конечно, сеньор, – с подчеркнутой вежливостью заверяет Валентина.

– Поешь рис, – обращается он к Вере.

– Нет, спасибо. Последние полгода я ела рис ежедневно. И ничего, кроме риса. Думаю, добровольно я к нему не притронусь в ближайшие лет десять.

– Тогда никакого риса, – бросает он Валентине. – А сок?

– Я не люблю апельсиновый сок. Очень не люблю, – в голосе неловкость. – Простите, я понимаю, как это выглядит со стороны, просто как-то все совпало неудачно...

– Приготовь новый ужин, – приказывает он. – Будь добра, поторопись, – Валентина подхватывает поднос и спешит удалиться. – Лекарства тоже принимаешь выборочно? – Вера молчит. – Вижу, ты решила поиграть в доктора... полагаешь, знаний на курсах стюардесс приобретено достаточно? – опять тишина. – Ты часом язык не проглотила? – холодный, ироничный голос царапает нервы.

– Мой ответ может рассердить вас, – мягко произносит она. – А мне этого совсем не хочется.

– Когда я задаю вопрос, мне отвечают, – холодно уточняет мужчина, пристально глядя на Веру.

– Вы задали три вопроса, – бесстрастно замечает она. – Три риторических вопроса. Вы, правда, ждете ответов?

– Представляю как выглядели твои допросы! – он вновь смотрит на нее так, словно она его забавляет – с этим взглядом она успела познакомиться прошлой ночью. – Ты просто мечта для следователей!

– Рискну предположить, что о встрече с вами представители закона мечтают несравнимо больше, – импульсивно бросает она и осекается.

– Им остается только мечтать, – невозмутимо заверяет он и добавляет: – Это привычное твое состояние, или болезнь помогает?

– Затрудняюсь ответить. Не понимаю, о чем вы, – отстраненно отзывается Вера.

– Не желаешь поговорить с доктором Монроем? – неожиданно предлагает он. – Выскажешь ему свои опасения, задашь вопросы... или нарушение, – как ты это назвала? – «врачебной этики» пошатнуло его авторитет окончательно и бесповоротно? Можешь ему сообщить и об этом, он не обидится.

Вера вспыхнула. Доктор Монрой действительно не вызвал ее доверия.

– Он очень хороший врач, – констатирует Эридеро безапелляционным тоном. – В противном случае я бы не прибежал к его услугам.

В дверь постучали, затем она тихо открылась и вошла Валентина с подносом в руках. «Надо же, – думает Вера, – оказывается умеет и стучать, и дверь отворять без грохота».

– Приятного аппетита, – с приторной вежливостью говорит женщина, опуская поднос.

Вера с удивлением поднимает глаза. «Лицемерка», – мысленно негодует она и вежливо благодарит в ответ. На этот раз обошлось без неприятных сюрпризов: запеченная рыба с картошкой и шпинатом.

– Сеньор, скоро приедут гости, – напоминает Валентина.

– Я помню. Тебе следует измерить температуру, – обращается он к Вере.

Она поднимается, направляется к прикроватной тумбочке, достает электронный градусник, повернувшись к мужчине спиной, садится на кровать и кладет градусник в рот. Не успевает тот запищать, Валентина протягивает руку и выхватывает его у не успевшей посмотреть результат Веры. «39.8», – сообщает она.

– Что ж, – негромко говорит мужчина не терпящим возражений тоном, – игры в доктора подошли к концу. Ты слышала?

Вера упрямо молчит.

– А теперь поешь, – приказывает он.

Не двигаясь, Вера ждет, пока Валентина покинет комнату. Затем тихо, с недоумением, произносит:

– Вам не кажется, что ваши приказы звучат, мягко говоря, странно?

– Не кажется, – отвечает он, и, обернувшись, Вера ловит его улыбку.

– Я не хочу есть. Правда, не хочу. А ваши команды, признаюсь, окончательно отбивают аппетит. Только не начинайте запугивать меня, – просит она, – от страха я не могу проглотить и крошки.

Эридеро поднимается и закрывает окно.

– На улице прохладно, – небрежно бросает он, – да и в комнате тоже. Поешь позже. А таблетки выпьешь сейчас.

Раздается стук каблуков, и в комнату входит Елена.

– Вот ты где, дорогой! – с улыбкой приветствует она мужчину.

Вера замирает: такой она видит ее впервые. Иссиня-черные волосы собраны в классический узел, дымчатый макияж глаз сделал их еще более яркими и хищными. На ней черный смокинг, искусно сшитый специально для женского тела – приталенный, он идеально облегает фигуру, под ним нет рубашки, кажется, под ним ничего нет, что придает этому необычному костюму особо соблазнительный вид. Вера готова поспорить: самое откровенное платье потерпит оглушительное поражение, конкурируя с этим дерзким, безусловно элегантным и одновременно агрессивно сексуальным нарядом. Строгие брюки выгодно подчеркивают длину ног, а высокие каблуки делают их бесконечными. Черный цвет разбавлен зеленым: из нагрудного кармана пиджака выглядывает шелковый, темно-зеленый платок, в руках крокодиловый зеленый клатч, в ушах – изумруды, огромные, они с необычайной интенсивностью подчеркивают цвет глаз хозяйки, и завершает изумрудное великолепие гигантский камень на пальце. Изумруд подобных размеров Вера не могла и представить и, бросив взгляд на кольцо, так и не рискнула предположить, сколько карат в этом «булыжнике». Движения женщины плавные и порывистые одновременно, и вся она являет образ, в котором скользит удивительная, гипнотизирующая завершенность. Ей, парадоксальным образом, тюрьма не нанесла урон, констатирует Вера, даже напротив: лицо заострилось, лишь сильнее подчеркнув идеальный рисунок костяка, тело обрело едва ли не юношескую стройность. Красива, очень красива. Мысли Веры обрывает низкий голос:

– Решила лишить наших друзей дара речи? – восхищенно произносит мужчина. – Триумфальное возвращение, королевское! Эленита, ты – самый красивый колумбийский изумруд!

– У меня нет оснований тебе не верить, – игриво восклицает она и переводит взгляд на Веру. – Надеюсь, я не прервала важную беседу?

– Нет, – заверяет он и обращается к Вере: – Где твоя вечерняя порция лекарств?

Она пожимает плечами.

Эридеро зовет Валентину: «Я принесу еще раз, потому как сеньорита смешала все так, что и не разберешь». «Змееподобная женщина», – не без толики раздражения думает Вера, глядя ей вслед.

– Это еще что такое? – Елена вскидывает брови, рассматривая кучку таблеток.

– Доктор Монрой полагает, что я должна пить горы химии, – скептически отвечает Вера.

– А ты полагаешь иначе? – осведомляется она.

– Я полагаю, что моя печень отвалится от подобного количества антибиотиков.

– У тебя опять подскочила температура, чего можно было избежать, выполняя предписания врача, – ухмыляется Эридеро. – Твоя теория терпит фиаско.

– Ну почему же? – парирует Вера. – Температуру не всегда следует сбивать, это защитная реакция организма на инфекцию...

– Где ты набралась столь исчерпывающих знаний? – с сарказмом интересуется он. – Часто приходилось оказывать экстренную помощь во время полетов?

– К счастью, ни разу, – тихо отзывается Вера.

– Действительно, к счастью. Ваше дело не лечить, это уж точно, – откровенную насмешку мужчина даже не пытается скрыть.

– Сдалось вам «мое дело»... – обескураженно произносит Вера. – Вы, правда, полагаете, что моя работа менее достойна, чем ваше «ремесло»?

– Я полагаю, что каждый должен заниматься своим делом, – абсолютно ровным тоном говорит он, пропустив мимо ушей ее замечание. – Если повар начнет спорить со строителем, ты останешься без стен и без еды.

– Бэмби, это еще что такое?! – с недоумением восклицает Елена. – Это ее медсестра избаловала! Кормила с ложечки, таблетки уговаривала пить чуть ли не со сказками, вот и результат, – объясняет она мужчине. – В тюрьме собралась, а за ее стенами расклеилась и разыгрывает девочку-девочку со всеми вытекающими. Жуть какая!

Валентина приносит лекарства и моментально исчезает.

– Пей, да побыстрее! – грубо приказывает Елена.

Вера не двигается с места.

– Бэмби, не испытывай моего терпения, – ласково шелестит она. – Ты выпьешь по-хорошему или по-плохому. Выбор за тобой. Считаю до трех. Раз, два... – она делает паузу, – три... – Вера поднимает на нее глаза и отрицательно качает головой. – Ну смотри, сама напросилась...

– Не надо! – останавливает ее невозмутимый голос. – Она выпьет.

Он неспешно приближается, придвигает стул почти вплотную к кровати, садится и протягивает Вере стакан воды.

– Следуй указаниям доктора: если к завтрашнему вечеру твое состояние улучшится, обещаю сделать тебе сюрприз... – звучит как деловое предложение, и все же в этой фразе угадывается не до конца замаскированная теплота.

Вера невольно вскидывает глаза и, попав под власть устремленного на нее взгляда, замирает: вчера она не осмелилась рассмотреть его лицо, но бегло скользнув по нему взглядом, сделала вывод, что глаза у него темные, сейчас же, когда мужчина находится на расстоянии вытянутой руки, Вера с изумлением отмечает – подобный цвет она встречает впервые: темно-синие, они кажутся почти черными, стоит ему сделать шаг назад. Она не шевелится и почти не дышит, застыв словно под гипнозом, и лишь когда уголки его губ едва заметно приподнимаются, спохватывается, смущенно переводит взгляд на принесенные лекарства. Принимает протянутый стакан воды. Отстраняется и выпивает одну за другой четыре таблетки.

– Мне кажется, вы найдете общий язык, – раздается задумчивый голос Элены.

За окном шумно. Ворота открываются, одна за другой въезжают машины. Доносятся голоса.

– И последнее на сегодня... – Эридеро пристально смотрит на нее. – Никто не должен знать ни подробностей твоей жизни, ни твоего настоящего имени. Договорились?

Вера устало наклоняет голову в знак согласия.

– Как бы ты хотела, чтобы тебя звали?

Вопрос застает ее врасплох. Необходимость стереть то небольшое, что осталось у нее от прежней жизни, пробуждает дискомфорт, и она равнодушно проговаривает:

– Мне все равно...

Темные глаза медленно, изучающе скользят по ее лицу.

– Лина... – задумчиво произносит он после минутной паузы. – Да, Лина. Тебе идет. Ты не против?

– Лина... – отрешенно повторяет она. – Хорошо, пусть будет Лина.

– Я буду по-прежнему называть тебя Бэмби, – улыбнувшись, сообщает Элена. – Должна же быть в жизни хоть какая-то стабильность. Ну, нам пора, – она протягивает Эридеро руку, тот сжимает ее и поспешно поднимается. – Спокойной ночи, Бэмби!

– Хорошего вечера, – отзывается она.

– Отдыхай, Лина, – не глядя на нее, бросает мужчина и распахивает перед Эленой дверь.

Взгляд Веры провожает их: интересно, гадает она, между ними что-то есть или мне только кажется? Уж больно особые у них отношения.

Вера неспешно ужинает, затем набирает ванну в надежде, что прохладная вода поможет сбить температуру быстрее лекарств, и, устало погрузившись в мягкую пену, обдумывает случившееся: поведение Эридеро, а вернее выбранная им тактика обернулась для нее приятным сюрпризом – будучи единовластным хозяином положения, он с легкостью мог подавить, запугать, но решил действовать иначе, проще говоря – пойти ей навстречу, тем самым бросив испуганной «гостье» соломинку, за которую та с готовностью ухватилась. Правда, манера договариваться у него весьма своеобразная, не преминула отметить Вера, вспоминая формулировку фразы: приказ плавно переходит в своего рода деловое предложение. И все же, столкнувшись за последние месяцы с жестокостью, бесконечными попытками причинить боль, унижить и сломать, она не могла не оценить проглядывающую в этом поступке человечность...

Вернувшись в комнату, долго, не отрывая глаз от освещенной лужайки дома, Вера пьет горячий чай с медом. Ложится в кровать, кутается в одеяло... Какое же это счастье быть в тепле, в чистой новой одежде, не испытывать ни голода, ни жажды. Закрыв глаза, вспоминает свой настенный тюремный календарь и отмечает: 1 февраля подходит к концу. 1 февраля – первый день этой новой, непонятной жизни. Новый дом, новый пейзаж за окном, новые люди, новая стрижка и даже новое имя. Лина, повторяет она, словно примеряя его, привыкать придется долго... И с изумлением отмечает: думая о заставке календарика, она не прибегает более к воспоминаниям прежней жизни, жизни, в которую вернуться так и не удалось, а вспоминает небо, увиденное утром, и понимает: это в умертвившем жизнь аду из серого бетона не оставалось иного, как хвататься за воспоминания, в этих же стенах жизнь возвращается к ней... пугающая, непонятная, неоднозначная, и, возможно, несчастливая, тем не менее она заполняет собой существование, принося новые открытия и новые эмоции... как это небо, эти холмы, деревья... ворчливую Валентину, обстоятельного доктора Монроя, чуткого Камило, исполнительного Байрона... и мужчину, который спас ей жизнь и дал новое имя, но имени которого она до сих пор не знает... а между тем, погружаясь в сон, думает Вера, именно эти роковые буквы следом за именем Элены вписаны в страничку ее судьбы.

Глава 2. Грозы...

– Только здесь очень одиноко! – с грустью промолвила Алиса. Стоило ей подумать о собственном одиночестве, как две крупные слезы покатились по ее щекам.

– Ах, умоляю тебя, не надо! – закричала Королева, в отчаянии ломая руки. – Подумай о том, какая ты умница! Подумай о том, сколько ты сегодня прошла! Подумай о том, которой теперь час! Подумай о чем угодно – только не плачь!

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Когда Вера просыпается, на часах почти десять утра. Проходит в ванную комнату и, не успев вернуться, слышит стук в дверь: уловив шаги, Рикардо заглядывает удостовериться, что она проснулась, а несколько минут спустя в комнату входит Валентина с приклеенной улыбкой, опускает поднос, с облегчением вздыхает, наблюдая за тем, как строптивая гостья принимается завтракать и послушно выпивает утреннюю порцию таблеток. «Вам необходимо есть по пять-шесть раз в день маленькими порциями и очень много пить – так велел доктор Монрой», – воинственно сообщает она. Гостья обещает следовать указаниям, и Валентина, наградив ее подозрительным взглядом, отправляется на кухню за очередной чашкой чая с медом. Вернувшись, наставляет: «Не сидите долго у окна, вас может просквозить, не забывайте полоскать горло, если вам что-либо понадобится, Рикардо меня позовет». «Я вам очень благодарна, – улыбается гостья, – когда болеешь, ощущаешь заботу с особой остротой». Искренность в ее голосе заставляет женщину взглянуть на нее с любопытством и удивлением: «Это моя работа, – бормочет она и, наконец смягчившись, доброжелательно произносит: – Сеньор будет доволен вашим поведением...»

Так проходит день: Валентина навещает ее каждый час, приносит сок, чай или горячий шоколад, интересуется вкусовыми пристрастиями гостьи и всячески ее балует: готовит она превосходно, настолько, что даже Вера, с трудом во время болезни воспринимающая еду, оценивает ее кулинарный талант, о чем незамедлительно сообщает. «Это одна из причин моей работы в этом доме. Хозяин и его гости весьма требовательны...» – с удовлетворением отмечает женщина, и похоже, заключает Вера, она получает искреннее удовольствие, наблюдая результаты своих трудов. Возникшее поначалу напряжение спадает, что явно по душе обеим. Во время обеда Валентина ненадолго задерживается: «Сеньорита Лина, вечером я приготовлю вам настой из трав, чтобы вы поскорее уснули... в доме будет очень шумно. – Заметив немой вопрос в обращенном взгляде, поясняет с едва уловимым недовольством: – Вечеринка... если вы долго пробудете здесь, привыкнете...»

Время от времени в коридоре раздаются шаги, но ни разу не останавливаются они возле ее двери. За окном сгущаются сумерки, когда тишину разрезает стук каблуков, дверная ручка поворачивается, и стремительно входит Елена: джинсы, белая рубашка, приталенный серый пиджак, объемная сумка.

– Я уезжаю, – отстраненно информирует она.

Новость застает Веру врасплох. Заметив пробежавшее по лицу смятение, Елена поспешно добавляет:

– Бэмби, ты же знаешь, я ненавижу прощания. Без мелодрам!

– Конечно, – Вера делает глубокий вдох. – Просто я не рассчитывала, что ты уедешь так скоро...

– Дела, дела... – лукаво подмигивает Елена. – Ладно, пока. Еще увидимся.

– Спасибо... – останавливает ее Вера. – Что бы не случилось, я благодарна тебе за все, что ты для меня сделала.

– Мне хочется верить, что я все же помогла тебе... Ничего хорошего тебе там не светило... – Элена задумчиво оглядывает ее и, помолчав, спрашивает: – Надеюсь, ты немного успокоилась?

– Мне по-прежнему страшно, – признание произнесено так тихо, что его можно не слышать. Но Элена слышит.

– Понимаю... – говорит она, подходит и садится рядом. – Бэмби, без глупостей! Почувствуешь, что срываешься – звони мне, поняла? Я не вытащила тебя из Вьетнама, чтобы убить! Я хотела и хочу помочь тебе, – изумрудные глаза устремлены на Веру, в них забота и теплота.

– Спасибо! – эти слова, даря некую иллюзию защищенности, особо трогают Веру.

– Если с тобой что-то случится, а точнее, если тебя придется убрать, я очень расстроюсь... – тихо произносит Элена, злясь на саму себя за проявленную эмоциональность, и Вера понимает: подобное она позволяет себе нечасто. – Будь добра, не доставляй мне переживаний.

– Постараюсь, – Вера кивает и, набравшись смелости, решается: – Прости за нескромный вопрос: ты и хозяин этого дома...?

– Бэмби, вот так сюрприз! – насмешливо восклицает Элена. – Почему тебя это интересует?

– Корыстный интерес, – вздыхает Вера, – чем ближе ваши отношения, тем больше ты будешь присутствовать в моей жизни, и тем более весомым будет твое слово.

– Мы довольно близки, – по губам пробегает улыбка, – но не так, как ты подумала... нас тесно связывают дружба и деловое партнерство. Бизнес и личные отношения, как правило, не смешивают, но мы исключение: наш союз особенный, считай кровный. Мы доверяем другу другу с почти закрытыми глазами. Это не менее сильная связь, чем любовная... не менее глубокая, зато куда более прочная... – Она замолкает, затем продолжает абсолютно хладнокровным тоном: – Так что, как понимаешь, я буду в курсе происходящего, но, – делает короткую паузу, пристально глядя в глаза Веры, – ты должна запомнить: все решения касательно тебя принимать будет тот, кому ты доверена. Нарушишь правила, он незамедлительно сделает то, что обязан сделать, не советуясь со мной. Да я и не смогу возразить, если ты перешагнешь черту...

– Что он планирует делать со мной дальше?

– Ничего плохого, не бойся.

– А кто еще живет в доме? – с интересом уточняет Вера.

– Бэмби, – смеется Элена, – до чего же ты деликатная. Хозяйки в доме нет, можешь расслабиться, – она поднимается. – Мне пора. Если я тебе срочно понадобится, сообщи охраннику. Обещаю звонить.

Внезапно подавшись вперед, она обнимает Веру, а затем стремительно пересекает комнату.

– Будь умницей! – бросает напоследок и скрывается за дверью.

Вера остается одна.

К вечеру подступает слабость: спеша уведомить, что болезнь не намерена сдавать позиции, она окружает плотным кольцом. Сказываются и последствия приема многочисленных антибиотиков – Веру переполняют бессилие, вялость, заторможенность. Ужинает она неохотно... взглянув на градусник, Валентина удовлетворенно кивает: «38.7, лучше, чем вчера, – подбадривает она. – Видите, сеньорита Лина, лечение приносит результат». Но Вера настроена менее оптимистично: состояние амёбности внушает ей опасения. «Я думаю, – неуверенно говорит она, – антибиотики необходимо сократить». Валентина удаляется, и, погрузившись в тишину, Вера снова и снова непроизвольно устремляет взгляд на дверь, не до конца

понимая, ждет ли хозяина дома или напротив надеется, что он не придет? На протяжении дня она множество раз задавала себе одни и те же вопросы: неужели он действительно пытается помочь, а теплота, проскользнувшая в его голосе, не есть плод воображения? Не наивно ли с ее стороны верить в доброе к ней отношение, не опрометчиво ли обольщаться и воскресать надежду? Так или иначе он предоставил все необходимые для ее скорейшего выздоровления условия... А еще ее переполняет любопытство: температура немного снизилась, достаточный ли это повод для обещанного сюрприза? Или он успел забыть о сказанном? Обо всем этом Вера размышляла, напряженно поглядывая на дверь, но он так и не пришел...

К дому подъезжают машины. Стук каблучков и женский смех доносятся из коридора, напомнив Вере о предстоящей вечеринке. Разозлившись на себя за наивность и инфантилизм, укутавшись в одеяло, она предприняла попытку уснуть, но не тут-то было: внизу на полную мощность включили музыку, и ей оставалось лишь констатировать – уснуть в подобной обстановке может лишь глухой. Валентина приносит обещанный настой трав, действующий, по ее заверению, не хуже снотворного. «Это долго продлится?» – интересуется Вера. Женщина кивает. «Какого черта я пичкала себя антибиотиками, – подозревая, что голова вот-вот взорвется, злитя Вера, меряя шагами комнату, – мне хуже, чем вчера». Не выдержав, принимает таблетку – увы, тщетно. «Снотворное» Валентины также отказывается выполнять обещанную функцию. Вера проходит в ванную комнату и долго стоит под теплыми струями воды, в надежде утомить разрывающую голову боль, а вернувшись, садится у окна и принимается разглядывать освещенную лужайку – время от времени под окнами проходят люди: девушки в коротких платьях смеются шуткам сопровождающих их мужчин. Музыка не утихает. Вера с надеждой поглядывает на застывшие, казалось, стрелки часов: 22, 23, а вот и полночь, быть может, закат этого праздника жизни не за горами... Час спустя с недоумением всматривается – ни малейших признаков завершения веселья не наблюдается. Стоя у раскрытого окна, она вдыхает прохладный, свежий воздух и любуется ночным небом: высоким, почти черным, украшенным редкими яркими звездами и полумесяцем, удивительно напоминающим тонкий женский профиль. Вдали проступают темные контуры холмов, а деревья за стеной походят на грозных великанов. Погрузившись в созерцание ночного пейзажа, Вера не замечает, как прогуливающийся под окнами в компании щедро одаренной природой брюнетки Москито, притормозив, испепеляет ее взглядом. Как удалось ей остаться в живых, в который раз недоумевает он. Приступ неконтролируемой агрессии и ненависти внезапно застигает разум: эта девка посмела насмеяться над ним на глазах у всех – «сеньор Москито», «москитито» – а сейчас стоит себе, как ни в чем не бывало, любуется звездами... Ничего, усмехается про себя, надолго она здесь не задержится, а в будущем, даст бог, попадет в его руки, тогда-то он и заставит ее извиниться как полагается... Москито задумывается: ждать мучительно не хотелось, и пусть удовлетворить злость в полной мере на данный момент не представляется возможным, ничто не мешает устроить ей разминку, своего рода предисловие к тому, что ее ждет, ухмыляется он. В эти минуты одурманенное алкоголем и кокаином сознание мгновенно нарисовало план действий – Москито очень любил себя в подобном состоянии: мыслил он быстро, четко и молниеносно принимал решения. «На втором этаже стоит охранник, – бросает он девушке, – я дам тебе 500 долларов, если сможешь увести его на минуту подальше». Брюнетка испуганно отступает: «Зачем? – бормочет она. – Я не хочу проблем». «Никто не узнает», – заверяет Москито, протягивая ей банкноты... И принимается ждать, когда Вера отойдет от окна.

Проходя по коридору, брюнетка одаривает Байрона кокетливой улыбкой, внезапно вскрикивает и, застонав, наклоняется, опираясь рукой о стену. «Чертовы каблучки, – морщится она, – кажется, ногу подвернула... Ты бы не мог помочь мне подняться, мне нужно кое-что взять в сумке...» Байрон нерешительно оглядывается, девушка умоляюще смотрит на него: «Это срочно, меня ждут внизу... ну пожалуйста», – просит она. Байрон сдается. Не успевает стихнуть стук каблучков, Москито пробегает по коридору и врывается в комнату Веры. «Что

происходит? – недоумевают она. Порывисто приподнимается и, вжимаясь в стену, в замешательстве смотрит на дверь. – Почему Байрон позволил ему войти???» Не давая ей опомниться, Москито процеживает:

– Не вздумай орать, не в твоих это интересах. Сама понимаешь, без разрешения к тебе не пройти, – мерзко хихикает он, наблюдая за тем, как бледнеет ее и без того безжизненное лицо.

– Что вам понадобилось в такой час? – холодно спрашивает она, не осознавая, что этот тон подстегивает и без того взбешенного Москито.

– Ты знаешь, с кем разговариваешь? Как ты смеешь так ко мне обращаться? – глаза наливаются кровью, он подскакивает и беспардонно шлепается на кровать. – Кто ты вообще такая? Тебя, дрянь, проучить не мешает... – и, занеся руку, ударяет ее по лицу.

Байрон спешит вернуться на свое место. Поравнявшись с дверью, улавливает приглушенный мужской голос и застывает, ошарашенно уставившись на дверь – некто успел войти, когда он отлучился... что делать? Вообще-то следует справиться, что происходит, но в последнюю секунду он мешкает: а вдруг это хозяин или пришедший по его приказу? Мало того, что его отсутствие заметили, он рискует быть наказан и за вмешательство. Самым разумным будет сообщить патрону, решает Байрон и пулей летит вниз. Среди немногочисленных к этому времени гостей он мгновенно находит хозяина и в растерянности топчется на месте: музыка, смех, виски, сигаретный дым – тот весьма неплохо проводит время в компании своего помощника – дона Андреса, одного из лидеров картеля – Эль Каймана и сопровождающих их девушек. Байрон думает было повернуть назад, но его останавливает голос патрона:

– Подойди! Что ты здесь делаешь? – бесстрастно интересуется он.

– Сеньор... – медлит Байрон.

– Не тьяни! – холодно бросает тот.

– Я на секунду отлучился... совсем на секунду, – заверяет он, – а когда вернулся, услышал, что в комнате сеньориты Лины кто-то есть... и не решился войти, не сообщив вам... – поймав взгляд Эридеро, Байрон осекается на полуслове, понимая, что совершил очень большую оплошность.

– Андрес, давай прогуляемся, – мужчина резко поднимается и направляется к лестнице. За ним следуют Андрес и Байрон. – Серхио, – приказывает он, набирая номер, – на второй этаж, срочно!

А в это время Москито, окончательно утративший самоконтроль, упиваясь собственной силой и властью, с наслаждением вглядывается в бледное лицо с легкостью обездвиженной, схваченной за волосы и прижатой к спинке кровати Веры.

– Кем ты себя возомнила, идиотка? – шипит он, изо всех сил сжимая тонкое предплечье. – Ты никто, поняла, н-и-к-т-о! Донья Элена поспешила избавиться от тебя, спихнув Эридеро! Думаешь, он будет с тобой церемониться? Ты для него не представляешь интереса... – Москито злорадно хихикает. – Теперь, когда сеньора уехала, он тебя быстренько уберет подальше. Знаешь, что тебя ждет? Отвечай, тварь! – Вера молчит. – Так и быть, я тебя просвещу: со дня на день отправишься жить в дом прислуги, а как окрепнешь, начнешь прислуживать его девкам или... – он подавляет смешок, – или обслуживать его людей.

Глаза Веры наполняются ужасом.

– Да, худышка, его людей, – злобно повторяет Москито. – Персоны посерьезнее тобой не интересуются, увы, для этого ты не обладаешь необходимыми данными...

Вера закрывает глаза.

– Открой глаза, я сказал открой глаза, мразь! – повизгивает он.

– Прекращай играть в хозяина и убери руки! Твой удел пресмыкаться, букашка! – безжизненным голосом произносит Вера.

Пауза длится секунды, которые кажутся ей вечностью. Москито размахивается и бьет ее по лицу. Глухой удар раскалывает тишину на части. Вера, покачнувшись, падает. Москито хватает ее за волосы и заставляет приподняться, с губ срывается стон. «Ничтожество», – шепчет она и вскрикивает от обрушившейся пощечины. В эту секунды дверь распаивается настежь. Вера прячет лицо в подушку.

– Сеньор, – принимается тараторить Москито, – я поймал ее у лестницы. Воспользовавшись тем, что парень отлучился, она пыталась улизнуть. – Он замолкает. Не услышав в ответ ни малейшей реакции, набирает полные легкие воздуха и убежденно выпаливает: – Она просила помочь ей бежать... Без обиняков заявила: «Я сделаю все, что захотите».

– Бред! – Вера недоуменно отрывает лицо от подушки. – Букашка, у тебя фантазия работает хуже мозгов.

– Рот закрой, идиотка! – сквозь зубы процеживает он.

– «Рот закрой... идиотка...», – неспешно повторяет Эридеро. – С каких пор ты отдаешь приказы в моем доме? – Москито нервно дергается. – Ее зовут Лина. Для тебя: сеньорита Лина. – В голосе металл. – Повтори!

– Сеньорита Лина... – мямлит Москито.

– Вставай, – небрежно бросает Эридеро. – Пойдем потолкуем, – и выходит за дверь.

Андрес следует за ним, а Серхио ждет, когда подоспеет Москито, и встает за его спиной. Дверь захлопывается.

– Вниз! Я к вам присоединюсь, – кивает он Серхио. Москито испуганно озирается по сторонам. – Байрон, – Эридеро окидывает парня беглым взглядом, – от двери ни на шаг. Никому не позволяй входить без моего разрешения. Никому, – по слогам произносит он, – даже дону Карлосу. Справишься? – тот с готовностью кивает. – Я даю тебе шанс, – изучая испуганное лицо, осведомляет он. – Только потому, что у тебя хватило смелости не замалчивать свой промах, а поставить меня в известность.

Ответить Байрон не успевает – патрон резко отворачивается и уходит.

Десятью минутами позднее Эридеро спускается в просторную ярко освещенную комнату в подвальном этаже. Андрес, смеясь, поит виски дрожащего Москито, Серхио стоит у двери.

– Сеньор, – заискивающим тоном обращается к нему Москито, – я как раз рассказывал, как все было... Она сказала, что рано или поздно убежит... Готова была на все...

– Длинный у тебя язык, Москито. Усвой поскорее: два уха и один язык, это намек на то, что говорить следует меньше, чем слушать. Не усвоишь, лишишься языка.

– Это следует донести до этой... до сеньориты Лины, – спохватывается Москито. – Я должен был проучить ее, сеньор.

– Она моя! – жестко произносит Эридеро, сверля Москито взглядом. – А мое подвластно только мне.

– Не поймай я ее...

– В комнате камера, – насмешливо роняет мужчина. – Не желаешь вместе посмотреть отснятый материал? Откровенно говоря, ты жутко нетелегеничен.

Москито судорожно сглатывает.

«Попался, – с удовлетворением констатирует Эридеро, наблюдая за проступившим на лице смятением, – не помешает и впрямь включить камеру...»

– Так на чем мы остановились? – небрежно осведомляется он.

Москито ерзает на стуле. Эридеро подает знак, и Серхио в мгновение ока, подскочив к Москито, надевает наручник на его левую руку, пристегивает ее к железной спинке стула и заклеивает ему рот. Прodelывает он это настолько молниеносно, что тот не успевает опомниться. Эридеро опускается на стул напротив и принимается медленно сканировать взглядом трясущегося человечка.

– Еще раз нарушишь мои границы, я закажу тебе гроб и прямиком на кладбище отправлю твой труп. Обещаю, ты будешь таким красавцем, что родная мама не узнает.

– Москитито, пощади старушку! – с притворным ужасом восклицает Андрес.

– Он хороший сын, – кивает Эридеро. – Он пощадит. А пока небольшое предупреждение... ты бьешь правой рукой, я не ошибаюсь? Давай-ка ее сюда.

Он подает знак, и Серхио протягивает пистолет с глушителем. Хищный взгляд парализует Москито: «Отделаться простреленной рукой – везение», – читается в нем.

– Некрасиво, – озадаченно качает головой Эридеро. – Как эту руку на полуживую девушку поднимать, ты мачо, а под пулю протянуть, дрожишь, как баба... Того и гляди в штаны наложишь, – презрительно усмехается он.

– Ты его переоцениваешь... давно наложил, – смеется Андрес. – Думаю, сеньорита Лина тряслась бы меньше. Ну, не позорься, протягивай руку!

Продолжая цепляться за металлические прутья, Москито хрипит, умоляюще глядя на сидящего напротив мужчину – тот молчит, затем неспешно поднимается – на десятки секунд наэлектризованную тишину нарушает шум шагов – и, обойдя Москито, замирает за его спиной... Москито наконец затихает, с ужасом осозная: на этот раз в роли добычи выступает он... Дальнейшее развитие событий ему известно заранее – Эридеро в действии всегда напоминал ему хищного зверя: движения лишены всякой суетливости, он подкрадывается не спеша, не то концентрируясь, не то забавляясь, пожалуй, и то и другое одновременно, а затем атакует – стремительно, азартно и неизменно метко... Не торопится и на этот раз – проходят минуты, он продолжает стоять неподвижно, наблюдая за тем, как, капитулируя перед неизбежностью предстоящего, ограниченный в движении человек напрягается всем телом... а когда вцепившуюся в железо руку одолевает крупная дрожь, резко ударяет прикладом пистолета по согнутому локтю. Застонав, Москито рефлексивно раскрывает ладонь, мужчина молниеносно хватается его за запястье и поднимает вверх дрожащую руку. Дуло пистолета утыкается в тыльную сторону ладони, раздается хлопок. Москито издает рев, заглушенный клейкой лентой. Продырявив ладонь, пуля проходит на вылет. Эридеро возвращает пистолет Серхио. Равнодушно бросает: «Так и быть – язык я оставлю при тебе... только на это раз!» – и в сопровождении Андреса покидает помещение.

– Мне давно не терпелось до него добраться, ты же знаешь... – негромко говорит он, – и наконец подвернулся повод.

– Да какой! – присвистывает Андрес. – Дон Карлос не сможет и слова за него замолвить. Этот недоумок подставился по-крупному.

– Елена будет довольна, – удовлетворенно отмечает Эридеро. – Ладно возвращайся к... как ее зовут? Анхелика?

– Дайана, – смеется Андрес.

Пройдя в освещенную комнату, Эридеро оглядывается – пусто. Дверь в ванную закрыта. Стучит – тишина, поворачивает дверную ручку – не заперто. Отворяет – в комнате темно. Включает свет. Вера сидит на краю ванной, опустив голову, не шевелясь и никак не реагируя на его появление. Какое-то время он молчит, облокотившись о дверной косяк, ожидая ее реакции, но она застывает, подобно восковой фигурке, и эта неподвижность производит на него удручающее впечатление: есть в ней нечто неживое, неестественное.

– Возвращайся в комнату, – холодно говорит он.

«Фигурка» даже не шелохнулась.

– Лина, возвращайся в комнату! – доносится до нее безапелляционный голос.

– Меня зовут Вера, – едва слышно произносит она, изнывая от страха: «А что если он поверил Москито?»

– Я в курсе, – отрезает он. – Встать можешь или помочь?

Не поднимая глаз, она проходит в комнату, опускается на диван и замирает в напряженной позе: спина прямая, голова опущена, руки скрещены на груди. Эридеро следует за ней, садится рядом, протягивает руку к ее лицу и откидывает упавшую прядь. Вера испуганно, инстинктивно подается назад.

– Я хочу посмотреть на твое лицо, – не то просит, не то приказывает мужчина. Она медлит. – Лина... – говорит он странным голосом: участливым и одновременно не терпящим возражений. Вера поднимает голову. – Сукин сын... – непроизвольно вырывается у него.

– Он сказал вам неправду, – еле слышно говорит она, так и не решаясь поднять глаза. – Я не выходила из комнаты...

– Знаю, – ей кажется, что произнося эти слова, он улыбнулся. – Обопрись о спинку дивана, я приложу лед.

Вера подчиняется. По горячей щеке расплзается холод, и она закусывает губу.

– Потерпи, еще немного и станет легче, – участливо заверяет он. – Поверь, ему сейчас гораздо больнее. Возможно, это тебя утешит...

– Что вы с ним сделали? – любопытство оживляет голос.

– Наказал, – насмешливо отвечает Эридеро. – Больше он к тебе не приблизится.

Вера молчит, а несколько минут спустя мягко просит:

– Вы не могли бы убрать лед? Мне уже легче.

Мужчина незамедлительно опускает руку.

– Держи, – протягивает пакетик. – Приложишь через минуту. Не беспокойся, день-два и все пройдет.

– Знаю, – отстраненно произносит она. – То, что на поверхности, заживает быстро.

– Только не говори, что оплеухи этого ничтожества оставят глубокий след...

– Дело не в этом... – отрешенно говорит Вера и замолкает. Не поднимая глаз, ощущает, как скользит по ней вопросительный взгляд, и, приподняв голову, проговаривает медленно, с болью, бессилием, пронзительной грустью: – Знаете, на меня никто никогда не поднимал руку, пока я не оказалась в тюрьме. А там со мной не церемонились... надсмотрщики, надсмотрщицы и даже Елена... Вижу, это становится традицией и в вашем доме: ни дня без побоев... – горько усмехается она.

– Лина, – твердо произносит он, – обещаю: с этого дня никто не посмеет поднять на тебя руку. Никто. – Вера с удивлением вскидывает глаза. – Не бойся, – добавляет он непоколебимым тоном, – больше тебя никто не обидит. И прости меня.

– За что? – Вера заподозрила было, что она не то ослышалась, не то начинает бредить.

– За то, что не предотвратил случившееся. Это мой просчет.

Вера теряет, не зная что и ответить.

– Сейчас придет Валентина, обработает твои многострадальные щеки. А потом постарайся уснуть. – Эридеро поднимается и на ходу бросает: – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – отзывается Вера, провожая его затуманенным слезами взглядом.

Произошедшее с новой силой погружает Веру в бездну бессилия, неизвестности, страха перед будущим. Москито преподал ей урок: и в этой новой реальности очередной удар может последовать из крайне неожиданного источника, и осознание этого, казалось, очевидного факта будило в ней страх перед всем и вся. Погружаясь в смятение, Вера боялась поверить данному обещанию, сознавая, что очередное разочарование пережить будет особенно сложно:

отныне, казалось ей, благоразумно не обольщаться и готовиться к худшему. Уснуть не удалось до утра – всякий раз, когда Байрон заглядывал в комнату, она напрягалась и поспешно привставала. За окном светало. К ней наконец пришел тревожный сон, настолько чуткий, что каждый резкий звук заставлял ее открывать глаза.

Дом оживает ближе к полудню: в коридоре то и дело раздаются шаги и голоса, машины подъезжают и отъезжают... разбитая Вера спешит поскорее подняться. Умываясь, заставляет себя взглянуть на зеркальное отражение, к удивлению, в отличие от воображения, пощадившего ее: опухшее лицо хранила лишь память; об инциденте напоминали побледневшие следы на щеках – идеальное дополнение к сине-черным кругам под глазами, усмехается она. Похоже, мазь, и правда, помогает... Голос Валентины вырывает ее из задумчивости. Вера спешит вернуться в комнату, и женщина, отметив, что гостя этим утром выглядит печальнее и подавленнее, чем вчера, что вполне объяснимо, учитывая обстоятельства, озабоченно наблюдает за тем, как та неохотно завтракает, и когда Вера отставляет почти полную тарелку, не говорит ни слова...

Стоит солнечный прохладный день... распахнув окно, Вера пытается отвлечься от гнетущих мыслей, наслаждаясь свежим воздухом и небом, подставляя руки навстречу теплым солнечным лучам. Еще несколько дней назад о подобном можно было лишь мечтать, напоминает себе она в попытке сбросить отчаяние, зябкое, подобно болоту...

Закрыв глаза, погружается в полудрем... В комнату резко врываются женские голоса и внезапный всплеск смеха – выглянув наружу, Вера обнаруживает собравшуюся под окнами стайку девушек: короткие блестящие куртки, нечто, выполняющее функцию юбки, или скорее ее отсутствие, облегающие джинсы, длинные волосы, высокие каблуки и ярко выраженные формы. К компании присоединяется светловолосая девушка в микроскопической красной в черную полоску юбочке, черном кожаном пиджаке и красных сапогах на высоченной шпильке. «Нарочито подчеркнутая, безвкусная, но на удивление гармоничная сексуальность», – думает Вера, разглядывая ее. Помимо соблазнительных форм и умелого их использования, блондинка выделяется среди подруг открытой, широкой улыбкой и смехом – громким, залившимся, искренним. Она вообще довольно настоящая, отмечает Вера, и в демонстрации своей сексуальности, и в проявлении эмоций; парадоксальным образом, несмотря на толику пошлости, а может именно благодаря ей, присутствует в девушке некая органичная нетронутость и самобытность. Ловя доносящиеся обрывки фраз, Вера узнает ее имя – Вивиана и прислушивается: голос у нее звонкий, счастливый, а вообще она больше смеется, чем говорит. «Похоже весьма неплохо провела вечер, а главное ночь, – улыбается Вера. – Ведет себя, как ребенок, получивший долгожданный подарок, того и гляди начнет прыгать на одной ножке». Вообще, странный контраст – вульгарность и столь детская, неудержимая восторженность... Одна из девушек замечает Веру и что-то тихо говорит остальным. Те оборачиваются, а блондинка задорно улыбается и взмахивает рукой. Вера кивает и, поспешно прикрывая окно, опускается в кресло.

На часах половина пятого. Входит Валентина и объявляет: «Сеньорита Лина, пройдемте со мной», – женщина старается лишней раз не глазеть на следы ударов, понимая, что гостье это доставляет заметный дискомфорт.

– Куда? – напрягается Вера.

– Патрон велел подготовить для вас другую комнату. Я провожу вас, а затем вернусь и соберу ваши вещи.

– Собирать особо нечего, – тихо говорит Вера, извлекая из шкафа пакеты с одеждой, затем просит: – Подожди минуту.

Пройдя в ванную, торопливо собирает подаренные Камило флаконы: ожидание чего бы то ни было кажется ей невыносимым. «Возможно, Москито был прав – меня переселят в домик обслуживающего персонала. Что ж, это не самое страшное».

Но Валентина увлекает ее не к выходу, а напротив, на третий – верхний этаж дома, туда, где длинный коридор, извиваясь, обрывается за поворотом. «Интересно, сколько в этом доме комнат?» – недоумевает Вера, стараясь не отставать от проворной Валентины. Та проводит ее в самый конец коридора и распахивает дверь, жестом приглашая войти. Перешагнув порог, Вера потрясенно застывает – комната кажется необъятной, светлой и яркой благодаря обилию проникающего солнечного света. Небольшие выступы зрительно делят пространство на две части – «гостиную» и «спальню». Стены гостиной обиты шелковыми обоями цвета слоновой кости. В овальном уголке, по левую сторону, расположен круглый стеклянный стол и два стула, по правую – уютный уголок образуют миниатюрный журнальный столик из красного дерева, диван и кресла кораллового цвета. Стеклянные, от пола до потолка, раздвигающиеся двери ведут на просторную, украшенную цветами террасу – плетеные стулья, диван и стол дарят этому уголку особый комфорт. По правую сторону выступа расположена спальня, выполненная в серебристо-сиреневой гамме: кровать светло-сиреневого оттенка соседствует с серо-фиолетовыми прикроватными тумбочками. Вделанный в стену изящный кремово-сиреневый светильник контрастирует с фиалкового цвета ковром. В противоположном углу – лиловый туалетный столик и такого же цвета пуфик. На стенах серебристо-серые шелковые обои, на полу паркет из красного дерева. Из панорамного окна во всю стену, расположенного в нескольких метрах от кровати, открывается потрясающий вид на холмы. По обе стороны окна – жемчужно-серые кресла. В дальнем углу Вера обнаруживает дверь, ведущую, к ее удивлению, в гардеробную, а за второй дверью, в противоположном конце, находится ванная комната, очутившись в которой, Вера теряет дар речи: гранитный пол украшен рисунками, на стенах мозаичная плитка в серебристо-лазурно-белых тонах... Огромная овальная ванна на ножках размещена в центре комнаты напротив широкого окна, отступающего от пола и потолка сантиметров на тридцать, по противоположную сторону – небольшой диван-кушетка, у стены – банный шкаф. За углом душевая кабина и квадратный мраморный умывальник, над ним красуется прямоугольное зеркало в серебристой оправе, по обе стороны которого подвешены серебристые светильники, выполненные в форме капель. Эта комната просторнее ее домашней спальни, что повергает Веру в некоторое недоумение.

Вернувшись в «гостиную», она с недоумением уточняет у терпеливо ожидающей ее Валентины:

– Чья эта комната?

– Большую часть времени она пустует. Патрон сказал, что с сегодняшнего дня здесь будете жить вы. Сеньорита, это одна из самых красивых комнат в доме.

– Не сомневаюсь, – не скрывая удивления, говорит Вера.

– Располагайтесь. А я принесу вам обед, – она улыбается. – Надеюсь, у вас проснулся аппетит?

Пройдя на террасу, Вера с интересом изучает ранее незнакомую часть участка: под окнами раскинулся живописный сад – удивительно гармоничный рисунок цветов и растений являл собой настоящее наслаждение для взгляда. Немного поодаль, в тени невысоких, густых растений, подобно которым Вера не встречала прежде и названия которых не знала, протекал ручеек, располагались фонтанчик и две миниатюрных кованых скамейки, придающих этому кусочку земли умиротворенную, пасторальную атмосферу. В противоположной стороне находился огромный бассейн, подсвеченный в сгущающихся сумерках разноцветными огнями. «Дозволено ли мне выходить на террасу?» – спохватывается Вера и непроизвольно морщится. – До чего же нелепа и унизительна подобная зависимость. И шага ступить боишься без разрешения». Она в растерянности отступает, уговаривая себя вернуться в комнату, как вдруг ее

внимание привлекает уже знакомый смех – на ведущую к бассейну дорожку выбегает светловолосая девушка в короткой юбочке. Остановившись, блондинка оборачивается и, улыбаясь, восторженно всплескивает руками. «Ее подруги давно уехали, – удивилась Вера, – что она здесь делает?» – словно отвечая на ее вопрос, к Вивиане приблизился хозяин дома. «Ну естественно! – выдохнула Вера. – Разве могло быть иное объяснение... Интересно, она здесь живет или гостит? И если первое – как это скажется на мне?» «Ты будешь прислуживать его девкам!» – слова Москито ворвались в память, оборвав мысли. Вере стало не по себе. «Возвращайся в комнату!» – приказала себе она, но не в силах сдвинуться с места наблюдала за девушкой, словно под гипнозом: всего в ней было чересчур много – смеха, улыбок, демонстрации эмоций, жизненной энергии... всего, чего так не хватало Вере, что казалось ей отделилось от нее навсегда. В эти минуты она виделась себе самой антиподом этой незнакомки, странным образом подчеркивая ее счастье своей болью, ее смех – своей грустью, ее улыбку – своей бледностью, и бьющую из нее ключом жизнь – своей почти призрачностью. И тогда Веру пронзила страшная мысль: смеющаяся девушка стоит у истоков жизни, в то время как она почти перешла на другую сторону... Отвернувшись, она чуть ли не бегом ворвалась в комнату и, заперевшись в ванной, опустила на пол у окна. К счастью, Вивиана и Эридеро исчезли из вида. Вера задумалась: полгода назад блондинка не произвела бы на нее ровным счетом никакого впечатления – объективно вульгарна, поверхностна, примитивна и этим скучна... как же меняется взгляд после пережитого, высвечивая прежде неотмеченные черты: когда в тебе есть жизнь, не замечаешь ее в других, она представляется чем-то обыденным и неотъемлемым, тогда-то и обращаешь внимание на кажущиеся первостепенными штрихи. Теперь Вера осознала: воспитание и образование оборачиваются второстепенной мишурой, когда уходит самое главное... тогда-то и открывается вся прелесть Вивианы и ее подруг.

Стук каблучков вырывает Веру из задумчивости. Предугадывая, кем может оказаться гостя, она неохотно поднимается и медленно проходит в комнату. К ее удивлению, на коралловом диване расположилась вовсе не Вивиана, а незнакомая женщина – сосредоточенно склонившись над записной книжкой, она делала пометки.

– Добрый вечер, – вежливо произнесла Вера.

– Привет! – небрежно откликнулась женщина, продолжая изучать исписанные листки. Наконец, оторвавшись от еженедельника, подняла голову и с явным недоумением уставилась на Веру. – Я – Сандра. Мне велено позаботиться о том, чтобы ты получила все необходимое...

Произнося эти слова, она даже не пыталась тактично скрыть изумления, овладевшего ею, а скорее наоборот, посчитала вполне уместным донести до собеседницы свои впечатления. Вера опустилась в кресло и застыла, найдя в себе наконец силы отстраниться и, надев маску, стереть с лица охватившие ее эмоции. «Мы с вами похожи гораздо больше, чем вам кажется, – мысленно обратилась она к новой знакомой. – Вы такая же неживая, как и я, только мне, возможно, удастся вернуться, а вот вам...» И все же безжизненность каждой из них, отзеркаливая пройденные этапы, носила иной характер: в то время, как из Веры энергию уносила боль – физическая и моральная, Сандру неживой делало бездушие или, иными словами, пришедший на смену старательно убитой души тотализатор. Глаза казались единственным огоньком жизни на этом смазливом, полностью переделанном лице. Скулы, губы, нос и тонны ботокса, отметила Вера, замороженное лицо и эмоции, вот только суть неизменно рвется наружу. «А ведь и Елена жестока, – размышляла Вера, – но в ней жестокость причудливо смешалась с человечностью, умом и неординарностью...» В сканирующих же ее глазах, равнодушных и бесчувственных, проглядывались хищность натуры, алчность и бессердечие – примитивное и серое. На нее устремился взгляд – калькулятор, оценивающий человека как неодушевленный предмет, прикидывающий его ценность, взгляд, обличающий особь, для которой выбросить без малейших раздумий и сантиментов не подошедший «товар» за ненужностью было обыденной

частью жизни. Вот и сейчас, задумчиво проводя рукой по длинным пепельным волосам, женщина недоумевала: с какой стати ей велено тратить время на эту девицу???

– Если я верно поняла, – проговорила она с нарочитой заботливостью, – у тебя ничего нет? Придется одеть тебя с головы до ног?

Вера вспыхнула – это было сказано тоном благородной дамы, готовой облагодетельствовать нищенку – и едва заметно кивнула.

– Ну, это будет не так просто... – протянула Сандра. – Я имею в виду грамотно подобрать гардероб... ты ставишь меня в затруднительное положение, ограничивая в выборе – выглядишь, мягко говоря, не очень презентабельно. У тебя случайно не анорексия? Ладно, это не мое дело, – не дожидаясь ответа, бросила она и продолжила: – Одежда должна подчеркивать то, что в наличии, и скрывать то, что желательно не выпячивать. А у тебя на данный момент и подчеркивать нечего. Что поделаться? Будем маскироваться.

– Не перенапрягайтесь, мне кажется у вас от умственного напряжения голова вот-вот лопнет, – иронично обронила Вера. – Поспешу облегчить вам задачу: мне нужно самое необходимое – удобная повседневная одежда. Вроде того, что на мне сейчас. Еще, если можно, джинсы и майки. Обувь без каблуков – балетки, лоферы и кеды. Все.

– Я уже поняла, – процедила женщина, весьма красноречиво оглядывая Веру. – В твоём случае это единственный допустимый вариант.

– Я знаю, – усмехнулась она. – Странно, что вы полагаете иначе.

– Дорогуша, я не полагаю, а уточняю, – прошелестела женщина ядовито-елейным голоском.

– Очень любезно с вашей стороны, – отозвалась Вера отстраненно-вежливым тоном.

Сандра, не двигаясь, продолжила демонстративно изучать ее: любопытство, озадаченность и насмешка смотрели на Веру из прищуренных голубых глаз, медленно скользивших по собеседнице, не обделяя вниманием ни сантиметра ее лица и тела. «Разве, что зубы не проверила, – подумала Вера, чувствуя, что начинает закипать. – Так, наверное, рабов рассматривали да лошадей».

– Желаете уточнить что-нибудь еще? – бесстрастно поинтересовалась она.

– Да нет... – натужно засмеялась женщина. – Я давно работаю и привыкла не задавать лишних вопросов. Но ты же понимаешь – нам женщинам свойственно любопытство... – Выдержав паузу, проговорила с напускной беспечностью: – Буду с тобой откровенна: я не знаю, ни кто ты, ни откуда взялась, ни зачем ты здесь. И знать не хочу. Не мое это дело, – поспешила прояснить она и продолжила игриво: – Но я не представляла тебя такой, милочка. В этот дом попадают девушки, соответствующие определенным стандартам...

– Не сомневаюсь, – холодно произнесла Вера. – Что-нибудь еще?

– Нет. На сегодня все, – женщина поднялась. – Чуть не забыла! – спохватилась она. – Донья Елена просила снабдить тебя всякими кремами, парфюмами и прочим. Я оставила все на кровати. Ладно, до скорого.

– Сандра! – негромко окликнула Вера направившуюся к двери женщину. Та вопросительно обернулась. – К малознакомым людям я предпочитаю, как вы успели заметить, обращаться на «вы». Будьте добры, примите к сведению. Надеюсь также, что в будущем мы обойдемся без фамильярностей – меня зовут Лина. Не стоит путать меня с «милочками» и «дорогушами».

– Не волнуйтесь, Лина! – ухмыляясь, демонстративно вежливо произнесла Сандра. – С ними вас спутает разве что слепой.

– До свидания, – невозмутимо отозвалась Вера, проигнорировав прощальный «укол».

Нельзя не признать, что в бестактности присутствует некая обескураживающая откровенность, нежданная и оттого довольно остро ощутимая в тех случаях, когда говорящему намеренно, невольно ли удалось отыскать ахиллесову пяту собеседника, – призналась себе Вера, прислушиваясь к удаляющемуся стуку каблуков. Слова Сандры удивительным образом продолжили и развили мысли, прерванные ее визитом. Пройдя в ванную комнату, приблизившись к зеркалу и скинув кофту, впервые за эти шесть месяцев Вера изучающе подняла глаза на отраженное в зеркале тело: «Какая прелесть, – поморщилась она, – по мне можно изучать анатомию скелета», – и, закутавшись в одежду, поспешила поскорее отойти от зеркала: ей мерещилось, что из глубины удивленно и потерянно смотрит на собственную тень девушка в алой блузке. Такой Вера хотела помнить себя и остаться в памяти других. Ее внешность неким демоническим образом разделила этапы ее жизни – привыкшая к свободе красота, взбунтовавшись в серых стенах, исчезла, на смену ей пришли гармонирующие со «зверинцем» бледность, болезненная худоба и некий зловещий намек на омертвелость. Последнее, вероятно, и будило в окружающих столь неконтролируемое изумление, отметила она. Как будто видишь перед собой еще не смерть, а ее предзнаменование и испытываешь неловкость, жалость и желание оказаться подальше, дабы не заразиться. В тюрьме на этих трансформациях внимание не заострялось, то была обыденность, ставшая нормой неизбежность, да и внешний вид подруг по несчастью был последним, о чем пеклись заключенные. Вере казалось, что никогда не забудет она тот момент, когда прочла произошедшие с ней метаморфозы в глазах Дана: он смотрел на нее, а она читала своего рода приговор. Позже в больнице зеркало стало лишь подтверждением прочтенному. Сколько взглядов людей по ту сторону бетонных стен ловила она с той встречи – Пабло, Паласиоса, Москито, Камило, Сандры... А теперь еще и слова – хлесткие, царапающие, точные. Веру охватило желание собраться в комочек, стать невидимой, скрыться от посторонних глаз, подобно раненому зверьку забраться в нору и зализывать раны в относительной безопасности крошечного своего пространства. Вернувшись в комнату и опустившись на пол у огромного панорамного окна, стиснув в руках крошечную подушку, она расплакалась слезами, рождающимися не в глазах, а где-то очень глубоко – в душе, рвущимися наружу с яростью, болью, отчаянием... Очертания холмов и деревьев плясали перед ее затуманенным взглядом, потемневшее небо казалось монументальным и грозным, и сама Вера виделась себе крошечной, беззащитной, бесконечно одинокой. Мысли о настоящем и будущем приносили лишь новые потоки слез. «Не думать, – повторяла себе она, – нужно перестать думать... – но это было невозможно. – Я хочу домой, хочу домой...» – всхлипывая, иррационально твердила про себя вновь и вновь, утыкаясь лицом в подушку. Дверь распахнулась. Когда шаги остановились совсем близко, Вера внезапно замерла, не осмеливаясь оторвать лицо от подушки.

– Что на этот раз? – произнес бесстрастный низкий голос.

«Исчезнуть бы прямо сейчас, – в смятении сказала себе она, – провалиться сквозь землю». Но Вера понимала – разумеется, никуда она не денется, а лишний раз превратит этого человека в свидетеля своей слабости. Уже превратила. Силясь восстановить срывающееся дыхание, сделала глубокий вдох и застыла в надежде, что он все же удалится, хотя знала: не уйдет, пока как минимум не услышит ответа, да и в целом – наивно ожидать деликатности от того, кто видит в окружающих всего лишь инструменты для удовлетворения и реализации собственных желаний. Мужчина тем временем отошел и, вернувшись, протянул ей стакан воды.

– Попей и пойдти умойся. Момент не самый подходящий, но уж какой есть – хочу поговорить с тобой перед отъездом... – Вера судорожно вздохнула, и он пояснил: – Я уезжаю на несколько дней. Ты остаешься здесь. Давай, приведи себя в порядок и возвращайся побыстрее.

Закрыв дверь ванной комнаты, Вера с облегчением вздохнула – цепкий взгляд доставлял ей немалый дискомфорт. Умывшись, она смочила в холодной воде полотенце и какое-то

время сидела на полу, приложив его к лицу. Затем еще раз опустила лицо под ледяные струи воды. Из зеркала смотрели на нее мертвенная бледность и воспаленные глаза с покрасневшими белками. «Если раньше я походила на приведение, то сейчас на приведение истеричное. Он, видимо, считает меня неуравновешенной... а что если, решив не терпеть подобное, поспешит от меня избавиться?» – испугалась Вера и перевела взгляд на дверь. Сколько времени прошло? Быть может, ему надоело ждать, и он соизволил уйти? Вернувшись в пустую комнату, она было обрадовалась, но приоткрытая дверь террасы и едва уловимый запах сигаретного дыма вернули ее в действительность. Мужчина задумчиво курил, и Вера нерешительно остановилась, не осмеливаясь войти.

– Проходи, – бросил он, не поворачивая головы.

Она несмело приблизилась, вдохнув сигаретный дым, кашлянула. Мужчина обернулся и, пристально глядя на нее, затушил сигарету.

– В пассивного курильщика тебе сейчас превращаться совсем ни к чему, – заключил он. – Пройдем в комнату.

Вера с облегчением подчинилась: от дыма ее едва не начало мутить. На спинке кресла лежал пиджак, и она опустилась на диван, отстраненно глядя перед собой. Эридеро сел рядом и негромко произнес:

– Мне сказали, ты сегодня весь день грустишь, почти не ешь, от лекарств отказалась... – Она промолчала. – Спишем это на ночной малоприятный инцидент. Завтра ты начнешь вести себя благоразумно, – уже знакомый тон, отметила Вера, не то просьба, не то приказ. – Я уезжаю по делам, ты останешься в доме одна... одна это с обслуживающим персоналом и охраной... – пояснил он.

В наступившей тишине Вере померещилось, или то было в самом деле так, что лишь удары ее сердца, неестественно громкие, вторгаются в безмолвие комнаты. Наконец он заговорил неоспоримым тоном, тем, который заставил ее, подслушивающую тот судьбоносный разговор, сжаться от страха.

– Я сохранил тебе жизнь – это своего рода кредит доверия. Воспользуйся им правильно. Ты должна знать: у тебя нет и не будет второго шанса. Меня не подводят дважды. Никогда.

Вера непроизвольно сжала в кулаки лежащие на коленях руки. Заметив этот жест, мужчина улыбнулся.

– У тебя есть два варианта: смириться и принять предложенные условия игры или предпринять абсурдную попытку вырваться и заплатить за нее жизнью. В первом случае я гарантирую тебе защиту, во втором – быструю смерть, максимально безболезненную. Третьего не дано. Выбор невелик, но решать тебе.

– Защита или быстрая смерть... Вы очень щедры... – Она молчала довольно долго, а затем проговорила едва слышно и на удивление искренне: – Я не поблагодарила вас за сюрприз... очень невежливо с моей стороны...

– Как видишь, я выполняю обещанное. Всегда, – усмехнулся он. – Со мной выгодно сотрудничать и крайне неблагоразумно не сотрудничать...

– Вы помогаете мне, а я, прибывая в шоковом состоянии, не успеваю выразить благодарность, – помолчав, внезапно заговорила Вера тихим, мягким голосом. – Не думайте, в привычном состоянии у меня не столь замедленная реакция. Лучше поздно, чем никогда, так ведь? – уголки ее губ едва заметно приподнялись. – Спасибо за то, что пригласили врача и приставили ко мне Валентину, а она строже любой медсестры, за то, что защитили меня, а затем вернулись справиться о моем самочувствии... и за эту комнату – здесь очень красиво. – Она замолчала. Словхвачившись, уточнила: – В первый вечер я успела поблагодарить вас?

– Успела, – ответил он странным тоном: своеобразным сплавом дружелюбия и отстраненности. По ее лицу скользил изучающий, безотрывный взгляд. – Тебе неловко, когда я на тебя

смотрю, и вообще, когда я рядом. Ты так меня боишься?! – после минутного молчания произнес он, не то задавая вопрос, не то констатируя факт.

Веру этот полувопрос озадачил – по неясной причине она ни разу за прошедшие дни не задала себе его, а сейчас пришла к застигнутому ее врасплох выводу:

– Нет, я не боюсь вас, – произнося эти слова, она неподдельно удивлялась им. И, окончательно приведя мысли в порядок, заключила: – Я боюсь ситуации, а не вас.

– Тогда почему так упорно продолжаешь смотреть в пол? – в голосе промелькнули уже знакомые теплые нотки.

– Мне неловко, когда меня видят в таком состоянии, – по-детски непосредственно призналась она, поднимая глаза, – даже стыдно, если быть до конца откровенной. Хочется убежать, а это единственная доступная форма побега. И потом, так я избавлена от чтения эмоций посторонних. Очень удобно.

– От чужих эмоций в полной мере избегаешься, когда они становятся безразличны.

– Наверное... но когда они касаются тебя... – попыталась объяснить Вера. – Я не люблю, когда меня жалеют...

– Я тебя не жалею, – сухо подчеркнул мужчина. – Не стоит путать жалость с сочувствием.

«Странно, – подумала она, – я, действительно, не замечала в его глазах ничего подобного... пожалуй, только Елена и он смотрят на меня иначе, чем остальные». Вера наконец осмелилась встретить его взгляд и ответила на него задумчиво, испытывающе, так, словно силилась прочесть то, чему на поверхности нет места.

– Сочувствие и сострадание частенько оборачиваются слабостью... – улыбнулся Эридеро, наблюдая за тем, как в огромных темных глазах загорается слабый огонек жизни, и, понизив голос, произнес насмешливо и при этом весьма серьезно: – Не вздумай использовать это в качестве оружия.

– Сочувствие – очень человеческая черта... отрадно знать, что она не чужда вам, – отстраненно проговорила Вера. – Я думала, вы спасли меня только потому, что этого хотела Елена, – неуверенно призналась она.

– Отчасти, – задумчиво сказал он. Помолчав, добавил: – Ты хорошая девочка, Лина. У тебя это на лбу написано. Из тех, кто прилежно учится в школе, молится перед сном и держится от проблем подальше. Игры с законом и оружием – стихия для тебя инородная, посему ни тюрьмы, ни пули ты не заслужила, в отличие от меня, Элены...

Его прервал громкий женский голос. «Эй, – обратился голос к Байрону, – ты не знаешь, где сеньор?»

– И даже таких, как она, – закончил он.

– А она-то чем заслужила? – Вера не смогла удержаться от этого, как ей казалось, весьма бестактного вопроса.

– Тем, что добровольно связалась с людьми, от которых ты держалась бы на безопасном расстоянии, – усмехнулся он.

Блондинка тем временем не унималась: «Не заставляй меня обходить дом еще раз, ну пожалуйста», – кокетливо уговаривала она.

– Меня разыскивают в собственном доме... интересно, – иронично произнес Эридеро и вынул сотовый. – Байрон, передай трубку Виви.

Тут из коридора донесся радостный смех, и девушка принялась тараторить нечто неразборчивое, моментально прерванное тихим, холодным голосом.

– Не кричи, ты не в джунглях заблудилась. Осмотрись, вокруг люди. Возвращайся к себе, – сотовый лег на столик. – Так на чем мы остановились? – он внимательно посмотрел на Веру.

Ей снова стало не по себе, как всякий раз, когда он смотрел на нее вот так – в упор. Взгляд у него пронзительный, очень сильный. Этим они с Эленой удивительно похожи.

– Лиана, прекращай стыдиться, – в голосе неприкрытое участие. – Ты больна. Это временно. Поправишься, если сама этого захочешь.

– Конечно, захочу, – кивнула она.

– Это хорошо. Завтра тебя навестит доктор Монрой. Следуй его указаниям. Выздоровеешь и начнешь приходить в себя. Советую запастись терпением, это займет несколько месяцев.

– Вы правы, – вздохнула Вера и умолкла, обдумывая, будет ли уместным заговорить на беспрерывно мучавшую ее тему. Кажется, момент сейчас весьма подходящий, подумала она и решилась. – Я хотела спросить... – на секунду замешкалась и, подняв глаза, выпалила: – Готовы ли результаты экспертизы?

– Да, – бесстрастно ответил он. – Результат положительный.

– А больше никаких новостей? – проговорила она дрожащим голосом, казалось, побледнев более прежнего. – О повторной экспертизе неизвестно? – он отрицательно покачал головой, вцепившись взглядом в ее лицо. – Пожалуйста, позвольте мне позвонить домой! – молчание: тяжелое, говорящее более слов. – Вам это даже выгодно, – предприняла слабую попытку Вера, – узнав, что я жива, никто не станет настаивать на повторение анализа, и, уверяю, произошедшее останется тайной. Прошу вас... – Взгляд сделался отстраненным, жестким. Но Вера была не в силах остановиться. – Это бесчеловечно – заставлять родителей поверить в смерть дочери! Хоть на секунду поставьте себя на их место. Или на мое... Если бы ваша мать...

– Довольно! – в голосе металл, холодный и бездушный. – Я не терплю манипуляций, особенно столь примитивных. Чтобы впредь этого не повторялось. И не вздумай нести подобное Элене! – Он поднялся и, глядя ей в глаза, отчеканил: – Никогда не проси больше, чем тебе в состоянии дать, это нелепо и крайне неумно.

Вера глубоко вздохнула и опустила глаза. Ей показалось, что только что ей нанесли очередную пощечину. Холодность и проскользнувшая в словах насмешка, так резко сменившие теплоту и участие, больно сжали сердце. В нервной тишине она отчетливо различила, как территорию зарождающейся симпатии, вдребезги разлетевшейся на мелкие кусочки, оккупировали напряженность, тревога, стоящая на пороге опасность. Как будто чья-то невидимая рука выхватила ее из теплой комнаты затем, чтобы снова погрузить в холодную, мрачную клетку. Все вокруг вновь стало зябко и неустойчиво.

– Пока, – бросил мужчина, открывая дверь, и, не обернувшись, вышел.

Вера долго сидела не в силах пошевелиться, борясь с душившими горло слезами. «Все-таки он жесток, как и Элена, – сказала себе она. – С ними придется научиться ходить по канату и умудриться не полететь вниз».

Весь вечер Вера мерила шагами комнату от одного окна к другому. Ее одолевали противоречивые эмоции: она сердилась на него – мог бы проявить чуть больше человечности и понимания, ведь не страдать в сложившихся обстоятельствах невозможно, а стремление связаться с семьей более чем объяснимо – и в то же время вынуждена была признать: Эридеро сделал шаг ей навстречу, проявил заботу и сказал нужные слова, а она воспользовалась моментом и, перегнув палку, умудрилась свести на нет попытку наладить отношения, в которых была заинтересована несравнимо больше него... «Почему, ну почему я не замолчала вовремя? Пытаясь достучаться, нарушила личные границы малознакомого человека. Глупо, очень глупо!» – корила себя Вера.

...Вот уже несколько часов тщетно пытаюсь уснуть, она вглядывалась в почерневший пейзаж. Байрон приоткрыл дверь и бесшумно заглянул в комнату. Вера привстала. Парень поспешил принести извинения за беспокойство. «Вы бы не могли принести мне ручку и листок бумаги», – улыбнулась она. Байрон неизменно смущался всякий раз, когда гостя обращалась к нему с уважением и на «вы», как к сеньору. Он кивнул и с удовольствием исполнил пожелание, добыв ручку и небольшой блокнотик. Поблагодарив, Вера вырвала листок и, написав несколько слов: «Простите меня. Удачной поездки!», протянула Байрону, попросив обя-

зательно передать Эридеро до отъезда. «Пожалуйста, это очень важно!» – подчеркнула она. «Считайте, уже сделано!» – заверил парень. Вера улыбнулась и принялась благодарить его с такой непосредственной радостью и признательностью, что все оставшиеся часы ночной смены Байрон Гарсиа прибывал в приподнятом настроении, отмечая про себя, что выполнять приказы сеньориты Лины оказалось на удивление приятно: она умудряется подобрать такие слова и интонации, что начинаешь верить, будто ты сделал нечто очень важное, ощущать собственную значимость, и возникает желание сделать для нее что-нибудь еще.

Валентина с подносом в руках появилась в коридоре.

– Сеньорита еще спит, – объявил «дневной» охранник Веры – Рикардо.

– Спит, не спит, а режим соблюдать необходимо, – кивает на дверь.

– Вале, она очень странная, – не удержавшись, прошептал он, обхватив дверную ручку. –

Интересно, откуда ее принесло?

Пожав плечами, Валентина прошла в комнату и озадаченно вздохнула: второе утро подряд она обнаруживала спящую на полу «гостью», завернувшуюся в одеяло.

– Сеньорита Лина, – тихо окликнула она и, подождав, когда та откроет глаза, сказала: – Позавтракайте, примите лекарства и спите дальше.

Вера медленно привстала, чувствуя себя бесконечно ослабленной.

– Доброе утро, – поприветствовала она женщину. – Спасибо. Оставьте, пожалуйста, на столе. Я умоюсь и поем. И обещаю не забыть таблетки.

– Я подожду, если вы не возражаете, – предложила Валентина.

Вера кивнула и направилась в ванную комнату. Валентина проводила ее встревоженным взглядом: доктор Монрой остался доволен улучшением состояния больной – температура незначительно повышалась лишь по вечерам, она перестала задыхаться от кашля, черные круги под глазами немного посветлели и уменьшились – но, несмотря на обнадеживающие изменения, Валентину одолевало растущее с каждым днем беспокойство – будучи простой, необразованной женщиной, чью незаконченную когда-то среднюю школу с лихвой компенсировали недюжинная проницательность и бесчисленные уроки, кои не уставала преподносить жизнь, она с первого взгляда интуитивно прочла: нанесенные девушке раны куда глубже, чем изматывающая тело болезнь, и в этом лекарства доктора Монроя бессильны. Байрон рассказал ей, что ночи напролет сеньорита Лина проводит у окна, засыпая только под утро, и, заходя к ней на протяжении дня, Валентина заставляла ее неизменно погруженной в себя, наблюдающей за происходящим, словно издалека, безучастно и устало. Отзывалась и произносила необходимые слова она столь же деликатно, сколь отстраненно. Словно ее все сильнее сжимал в тиски, отрезая от окружающего мира, ледяной колпак, пробить который не представлялось возможным. А между тем доктор Монрой настроен был весьма оптимистично, о чем незамедлительно проинформировал сеньора, и Валентина о своих наблюдениях умолчала: возникшие проблемы патрону не составят труда заметить, если, конечно, его это волнует, – решила она.

Вернувшись, Вера подошла к столу и жестом пригласила женщину сесть.

– Присоединяйтесь, – улыбнулась она. Валентина устремила на нее непонимающий взгляд. – Я не привыкла к обслуживающему персоналу. Мне будет гораздо комфортнее, если вы выпьете со мною чаю, коли вы здесь.

– Так не принято. Сеньор этого не одобрит, – запротестовала женщина.

– А мы ему не расскажем, – заверила Вера. – Присаживайтесь.

Валентина сдалась. Большую часть завтрака они говорили о погоде: в ближайшие дни обещают сильные грозы, узнала Вера.

– Скажите, – поинтересовалась она, когда с завтраком было почти покончено, – а хозяин дома часто в разъездах?

- Довольно часто, – неохотно ответила Валентина.
- Он не сказал, когда вернется?
- Он никогда не говорит, – женщина поспешила подняться.

Поблагодарив за составленную компанию, Вера решила было выйти на террасу, но Валентина принялась отговаривать: ветрено, сыро, а в ее состоянии необходимо находиться в тепле. Вернувшись в спальню, она опустилась на пол, спохватившись, поднялась и пересела в кресло – несколько дней назад Вера обратила внимание на то, что непроизвольно игнорирует кресла и диваны. Эта диковатая особенность, следовавшая за ней из тюремной жизни, как оказалось, была не одинока: вместе с Верой, покинув серые стены, перебрались на другой конец света страх темноты – по ночам в комнате неизменно горел свет – и непрошенные «гости» – последние ночи омрачили кошмары. Бессменный атрибут проведенных в клетке ночей вернулся к ней дабы напомнить: прошлое, плавно перетекая в настоящее, не отпускает заложников. И сегодня в кардинально измененных декорациях они ни капли не утратили своей актуальности. Дебютный «вневьетнамский» кошмар походил на карнавал: вокруг Веры под тревожную музыку кружились в танце люди в масках... музыка почти стихла, когда раздался скрип – тот самый, зловещий, мерзкий, ознаменовавший не то конец ее жизни, не то начало новой, быть может, их алогичный сплав – и темнота поглотила присутствующих. Темноту Вера узнала мгновенно и, услышав шум бьющихся о железные двери дубинок, нисколько не удивилась. Все вернулось с чудовищной точностью: мрак, смрад, люди-тени и витающая в воздухе безнадежность. Совсем рядом проскользнула расплывающаяся фигура человека в форме надзирателя, и вновь смотрела она в бледное, безжизненное лицо Тиен, в ее неподвижные, впившиеся в одну точку, остекленевшие, как у куклы, глаза. Вскрикнув, Вера проснулась, ощущая бешеные удары сердца, готового выпрыгнуть или разорваться на кусочки, срывающееся дыхание, охватившую тело дрожь. Она сползла с кровати и, вжавшись в угол, разрыдалась... ошеломленная этим непрошеным вторжением, опустошенная и испуганная, просидела так почти до рассвета, а когда силы иссякли, опустилась на пол и уснула, свернувшись в комочек. Доктор Монрой выписал ей успокоительные и снотворные, последствия которых окончательно повергли Веру в смятение: не избавив от призраков прошлого, они, притупив реакции, лишили ее способности быстро реагировать и приходить в себя. Так, оказавшись погруженной в очередной кошмар, она долго не могла осознать реальность это или всего лишь сон, и в этом мучительном, растянутом на долгие часы неведении пребывала до утра, а проснувшись вконец измученной, встретила чудовищную мигрень и сутки провела в состоянии почти бессознательном. На этом эксперименты с химическими помощниками Вера решила закончить. Исключением стали успокаивающие настои из трав, заботливо приготовленные Валентиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.